

Данилов С. Е.

ВЕЛИКИЕ ДРЕВНИЕ

Станислав Данилов
Великие Древние (сборник)

«Accent Graphics communications»

2015

Данилов С. Е.

Великие Древние (сборник) / С. Е. Данилов — «Accent Graphics communications», 2015

Моё знакомство с творчеством Говарда Филлипса Лавкрафта было совершенно спонтанным. Случайно один из коллег по предыдущей работе, уходя домой, спросил меня, не хотел бы я почитать вечером на досуге одну интересную книжку, и назвал автора. Такого автора я не знал вообще, и мне стало любопытно. Я взял у сотрудника книжку, и буквально за два дня прочитал её, что называется взахлёб. На страницах книги передо мной оживали диковинные существа из далёких миров, волей случая оказывающихся на Земле и вмешивающихся в человеческие судьбы. Существа были и страшные и удивительные одновременно. Никогда раньше я не читал такого жанра, где ужас шёл неразлучно, рука об руку с фантастикой. Это захватило меня полностью, и в скором времени я прочёл все рассказы этого писателя, создавшего совершенно новый литературный жанр – жанр научной мистики. Время шло, я перечитывал рассказы Лавкрафта снова и снова, по-новому осмысливая их. Наполняясь душевным подъёмом, после каждого их прочтения, я размышлял. Размышлял о продолжении творчества, безвременно ушедшего из жизни гения. У меня уже был небольшой литературный опыт, и это подогревало мой порыв. И я решил воплотить свои идеи на бумаге. После долгих творческих и раздумий, появился мой первый рассказ: «Лампа безумного араба». После его написания я подошёл очень критично к откликам на него, стремясь ликвидировать возможные ляпы как можно быстрее. Рассказ был даже размещён в интернете, были посланы копии многим друзьям. Результат превзошёл мои ожидания. Все отклики были в целом положительными. Имелись лишь два-три замечания частного характера, устранение которых нисколько не отразилось на содержании рассказа. Тогда я понял, что на этом останавливаться нельзя, ибо вдохновение есть, желание дальше писать тоже. И я продолжил творить в этом направлении. Стали появляться и другие рассказы. Тематика их была очень близка к тематике Лавкрафта, и возможно могла показаться неискущённому читателю немного однообразной. Особенно если тот был незнаком с творчеством этого писателя.

Однако я твёрдо решил держаться выбранного направления, конечно, не исключая в дальнейшем того, что тема моих сочинений может меняться. Но это в будущем. Сейчас же предлагаю на суд читателей этот сборник рассказов, выдержанных в строго лавкрафтовском духе. При написании образы, использованные Г. Ф. Лавкрафтом в своём творчестве, модифицировались и видоизменялись в зависимости от обстоятельств написания. Надеюсь, что данный сборник оправдает потраченное на него время поклонников жанра хоррор, и, читая эти рассказы, они ощутят схожую с произведениями Лавкрафта литературную атмосферу страха перед неведомым.

© Данилов С. Е., 2015

© Accent Graphics
communications, 2015

Содержание

Предисловие	6
Великие Древние	7
Бог океанской бездны	10
I	10
II	14
III	17
Повелитель Хаоса	18
Лампа безумного араба	25
Возвращение каменного ужаса	34
Пролог	34
1. В ожидании необратимого	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Данилов С. Е

Великие Древние

Предисловие

Моё знакомство с творчеством Говарда Филлипса Лавкрафта было совершенно спонтанным. Случайно один из коллег по предыдущей работе, уходя домой, спросил меня, не хотел бы я почитать вечером на досуге одну интересную книжку, и назвал автора. Такого автора я не знал вообще, и мне стало любопытно. Я взял у сотрудника книжку, и буквально за два дня прочитал её, что называется взахлёб.

На страницах книги передо мной оживали диковинные существа из далёких миров, волей случая оказывающихся на Земле и вмешивающихся в человеческие судьбы. Существа были и страшные и удивительные одновременно. Никогда раньше я не читал такого жанра, где ужас шёл неразлучно, рука об руку с фантастикой. Это захватило меня полностью, и в скором времени я прочёл все рассказы этого писателя, создавшего совершенно новый литературный жанр – жанр научной мистики.

Время шло, я перечитывал рассказы Лавкрафта снова и снова, по-новому осмысливая их. Наполняясь душевным подъёмом, после каждого их прочтения, я размышлял. Размышлял о продолжении творчества, безвременно ушедшего из жизни гения.

У меня уже был небольшой литературный опыт, и это подогрело мой порыв. И я решил воплотить свои идеи на бумаге. После долгих творческих и раздумий, появился мой первый рассказ: «Лампа безумного араба». После его написания я подошёл очень критично к откликам на него, стремясь ликвидировать возможные ляпы как можно быстрее.

Рассказ был даже размещён в интернете, были посланы копии многим друзьям. Результат превзошёл мои ожидания. Все отклики были в целом положительными. Имелись лишь два-три замечания частного характера, устранение которых нисколько не отразилось на содержании рассказа. Тогда я понял, что на этом останавливаться нельзя, ибо вдохновение есть, желание дальше писать тоже. И я продолжил творить в этом направлении.

Стали появляться и другие рассказы. Тематика их была очень близка к тематике Лавкрафта, и возможно могла показаться неискущённому читателю немного однообразной. Особенно если тот был незнаком с творчеством этого писателя. Однако я твёрдо решил держаться выбранного направления, конечно, не исключая в дальнейшем того, что тема моих сочинений может меняться. Но это в будущем.

Сейчас же предлагаю на суд читателей этот сборник рассказов, выдержанных в строго лавкрафтовском духе. При написании образы, использованные Г. Ф. Лавкрафтом в своём творчестве, модифицировались и видоизменялись в зависимости от обстоятельств написания. Надеюсь, что данный сборник оправдает потраченное на него время поклонников жанра хоррор, и, читая эти рассказы, они ощутят схожую с произведениями Лавкрафта литературную атмосферу страха перед неведомым.

Великие Древние

Это было, когда земля была еще совсем юной, а они уже существовали. За столетия до появления человека они уже правили землей. Сначала был Уббо-Сатхла. Огромная масса без органов и частей тела, он уже прибывал в кипящих топях новорожденной планеты, плодя серые, бесформенные сгустки, первые проявления земной жизни. Уббо-Сатхла – это начало и конец. Задолго до Великих Древних он уже пребывал на Земле. Потом Древние пришли со звезд и сотворили людей. И ужас накрыл Землю.

Человек был слишком глуп в ту пору, даже чтобы просто ощутить, а не чтобы тщательно описать происходящее. Ни что более страшное, возможно, уже никогда не предстанет перед ним. Он мог лишь видеть кроваво-красные небеса, туманные кольца вокруг солнца, слышать доносящиеся из глубин неведомые голоса, ощущать зловоние от камней и скал, которые начинают гнить, когда приходят Они, принося на Землю ужас, которого не было и не будет, ибо он вне времени. Ужас, которому нет названия.

Бесцельно блуждали Древние по тропам тьмы, нечестивая власть Их над Землей была велика: все творения склонялись перед Их могуществом и ведали силу Их злобы. Их плоть так груба и бездушна, что никакие законы не властны над нею и это позволяет им свободно проникать в некоторые области Вселенной и действовать так, как им заблагорассудится. Они, эти огромные сгустки протоплазмы, постоянно меняя форму, неуклюже расхаживали, увенчанные щупальцами с тысячами ядовитых ртов. Они ловили ими свою пищу, животных и людей, ибо Древние создали род людской, как рабов и пищу. Они всасывали в себя животные соки, впитывали души несчастных жертв.

Крики раздираемых на части существ, из которых вынимали жизнь, не смолкали ни на мгновение. Землю окутали мгла и страдание, ужас и мерзость, ибо Древние не руководствовались в своих действиях человеческими мотивами, логика Их не может быть понята нами.

И тогда Старшие Боги открыли глаза и увидели всю мерзость Тех, кто свирепствовал на Земле. В гневе своем Старшие Владыки схватили Древних посреди Их бесчинств и сбросили Их с Земли в Пустоту за гранью миров, где царит хаос и изменчивость форм. И возложили Старшие Владыки на Врата Свою Печать, сила которой не уступит натиску Древних. Глю-Во – это место, откуда пришли Старшие Боги, ужасные громадные существа, подобные огненным башням. Они бдительно и бессонно несут стражу, дабы Великие Древние не освободились от Их оков. Ибо Древние бессмертны и их можно только усыпить, либо заточить в темницах заклинаниями, что старше Вселенной.

И тогда осьминогочеловеческий, чудовищный Ктулху поднялся из глубин и обрушил свою ярость на Стражей Земли. Они же сковали его ядовитые челюсти могущественными заклятиями и заточили его в подводном городе Р'лайх, что находится на дне Тихого океана, где он будет спать мертвым сном до конца Эона. Глубоководные жабообразные чудовища служат Ему спящему, насылая на человечество проклятия в виде потомства от смешанных браков с людьми. Вместе с Ктулху в Р'лайхе в оковах заточен и скован психической силой его огромный сын Йтотха, а тысячи мерзких и липких тварей грызут без конца его оковы. Два других сына Ктулху – Гатаноа, запертый в горах древнего континента Му, погибшего в природном катаклизме, и Зот-Оммог, лежащий под «Островом Святых Каменных Городов», порождены от женской сущности Идхийа, что обитает вблизи двойной зеленой звезды Ксот.

Хастур спит поверженный в глубине озера Хали, находящееся где-то в созвездиях Гиад. Видения, которые он посылает, разорвут однажды души всех тех, кто не поклоняется ему. Голос ужасного Хастура – скорбные вздохи вихря, безумный свист Запредельного Ветра, кружащегося во тьме среди безмолвных звезд, завывающего в недрах подземного мира. Мощь его

валит лес и сокрушает города, но никому не дано увидеть беспощадную руку и познать душу разрушителя, ибо Проклятый безлик и безобразен, и форма Его неведома людям.

Наказание Йог-Сотота – быть заточенным среди бесконечного и безграничного пространства. Как скопление радужных шаров, число коих 13, обитает он в глубинах времени и пространства, разграничивая отрезками время в поиске возможного прохода среди бесконечного числа выходов предложенных ему. Сыновья его – части всех элементов. Каждый из них властен над своим элементом и миром.

Ужасный Тсаттогуа, повелитель Грязи и Недр, дремлет в сумерках, скованный в Н'каи. Его брат, адское создание Вультухум, завладел умирающим Марсом. Итаква, он же Вендиго, Идущий с ветром, изгнанный и заточенный в пределах всего, что замерзает. Повелитель Вечного Пламени Ктугха пребывает на Фомальгауте, и там он ждет, когда колдовские заклинания и кровь невинных жертв возвратят его на Землю. В глубинах Земли повелитель змеиного народа великий Йиг ждет время для возрождения. Мечтает о смерти людей по возвращении и их детях для убиения.

Афум Зах – сущность дополярного холода, в древности пришедший из туманного Фомальгаута в Йарак, гору на Северном Полюсе. Там он навсегда был скован знаком Старших Богов и до сих пор обитает в своем замороженном королевстве. Мномкуах или Бокруг с крокодилей мордой, еще один из Великих Древних, замурован в глубоких пещерах Луны, где он отвратительно плавает среди Черного Озера Уббот в жуткой и темной бездне Наг-йа и дремлет с древности, скрепленный Старшим Знаком.

Шуб-Ниггурат, черный козел, бог плодородия был изгнан на мрачную планету Йаддит, которую освещают пять разноцветных солнц. Там он жаждет своего возвращения, дабы расплодиться в своем безобразии.

Повелевает же Древними мерзкий, бесформенный и безумный бог Азатот, ставший слепым в битве со Старшими Богами. Он – владыка Хаоса. Великие Древние обитают вместе с Ним в черной пещере в центре бесконечности, где Он жадно вгрызается в бездонный хаос под сводящий с ума грохот невидимых барабанов, нестройный визг пронзительных флейт и неумолчный рев слепых, лишенных разума богов, что неустанно ковыляют без цели и размахивают руками. Наряду с Азатотом у Уббо-Сатхла, второго лидера восстания против Старших Богов, также был отнят разум. И был он скрыт в толщах подземелья в месте Й-куа в глубинах древней Гипербореи.

Древние пребывают на земле, в воздухе и в глубинах океанов. Им неведомы границы Времени и Пространства. ЙогСотот это те Врата, через которые вернутся Жители Пустоты. ЙогСототу ведомы лабиринты времени, ибо все время едино для Него. Ему ведомо, где во времени появились Древние в далеком прошлом, и где Они появятся вновь, когда звёзды вновь займут правильное расположение.

Единственная преграда для Великих Древних – это их тюрьма, созданная Старшими Богами. Заточенные там, они размышляют о своей былой славе и о своем грядущем возвращении. Ибо у Них остались почитатели, которые до сих пор преклоняются Им, которые считают счастьем служить чудовищным Богам, надеясь с Их приходом обрести власть над соплеменниками. Они приносят в Их честь жертвы и читают страшные заклинания.

Но те, кто поклоняется Великим Древним через их образ и подобие, должны помнить об осторожности, ибо идола нечисты и могут выпить жизнь из пытающихся призвать силы Извне. Когда-нибудь Великие Древние вернутся вновь, и людям предстоит исчезнуть с лица Земли, либо стать несмышленими скотами и служить Им. Но до тех пор человечество может быть спокойно за свое существование.

Древние заперты в далеких вневременных пространствах, и лишь иногда тревожит сны людей ужасными сновидениями злобная тьма Каэгха, грезящая в своей ненависти к людям о вновь обретенной свободе где-то в далеком будущем. Каэгха умеет только ненавидеть, ибо

лишено других чувств. Кошмары, посылаемой сквозь время этой злой сущностью, порой отнимают рассудок у самых незащитных человеческих умов, но они не более, чем только тень древнего ужаса, правившего когда-то на Земле.

Бог океанской бездны

*«... Чудовища приходят извне, и съедают плоть, предложенную
Им или оставленную низшими Богами без присмотра...»
Книга Червя*

I

Меня зовут Марк Эверетт. Я служил мичманом на эсминце «Миссури» входящего в состав военно-морских сил США. Этот выдавший виды проверенный военный корабль был задействован командованием в одной необычной боевой операции.

Прослужив пять лет, я был списан с корабля и отправлен в одну из психиатрических лечебниц города Аркхэма после случая, происшедшего в ходе выполнения одного странного боевого рейда. В течение всей зимы 1927-28 годов официальные представители федерального правительства проводили строго секретное изучение состояния находящегося в Массачусетсе старого иннсмаутского порта.

Именно из-за сверхсекретной стороны этого дела я и был изолирован от общества, что, однако, уже не особо сильно меня беспокоило, ибо я видел настоящий ужас. О существовании такого кошмара и помыслить нельзя было. Он возник внезапно, прервав обыденный ход повседневной жизни, и навсегда изменил мои представления об окружающем мире. Он воочию доказал, что где-то рядом существуют настоящее Зло, которое иногда открывается людям в своем полном облики. В своей палате я обрел даже некоторое спокойствие. Тишина успокаивала меня. Однако по ночам приходили ужасающие видения, но то были только сны... Впрочем, буду излагать обо всем по порядку.

После странных происшествий в маленьком городке Иннсмаут, подробности которых не разглашались [1], капитану нашего корабля, закаленному служаке, Брайану Ламли, было приказано, выдвинутся к берегам, на которых ютился этот выродившийся городишко. Мы сопровождали подводную лодку, которая проводила торпедирования на глубине. Наш эсминец остановился неподалеку от так называемого «рифа Дьявола».

Что именно потребовало принятия столь серьезных военных мер, не догадывался и наш экипаж, который, кстати, за три дня до отплытия был почти полностью сменен, кроме капитана, меня и рулевого. Так что из пришедших я запомнил имя только нового помощника капитана. Звали его Уильям Райли. Нам сообщили лишь, о банде контрабандистов, которая промышляла в этом городке. Однако, возможно, что капитан знал что-то большее, но он был достаточно умен, чтобы держать язык за зубами. К расследованию дела было подключено ФБР, а с этим ведомством шутки плохи. К тому же само название рифа навевало на кое-какие мысли, правда, по большей части настолько подсказанные игрой воображения, что никто из экипажа не решился высказывать их вслух.

Погода стояла ясная и солнечная, когда мы вышли в море. Достигнув заданных координат, мы легли в свободный дрейф, а подлодка подошла ближе к берегу и погрузилась на глубину. Чайки резкими криками оглашали воздух. Легкий бриз освежал кожу, нагретую лучами весеннего солнца. Береговая линия выделялась надгоризонтом неровностью строений, большая часть из которых была очень ветхой. Капитан, Брайан Ламли, опытный морской волк, стоял на мостике и курил трубку, думая о чем-то. Ему было около пятидесяти, и его вид говорил о том, что капитана трудно чем-либо удивить, ибо за свою службу он повидался всякого.

Пара матросов находилась около заряженного носового орудия и оживленно беседовала, глядя на темный силуэт города, лежащему, подобно гигантскому разложившемуся трупу на

берегу моря. Я подошел к борту корабля и, облокотившись на поручни, начал разглядывать темную морскую воду. Водную гладь не нарушало никакое беспокойство. Темная толща воды была непроницаема.

Внезапно мне показалось, что какая-то вспышка прорезала толщу воды. Солнце светило вовсю, и я стал думать уже на отблеск солнечных лучей, как вдруг где-то в глубине ещё раз сверкнуло что-то яркое. А потом я услышал гул, и эсминец содрогнулся. Через минуту раздался еще один глубинный взрыв. Подлодка бомбила что-то под водой. Весь экипаж бросился к бортам в надежде понять, что же за причина побудила командование срочно принять такие экстраординарные меры. Десяток пар глаз напряженно всматривался в море, пытаясь увидеть объект подводных бомбардировок.

Прошло около получаса, прежде чем прозвучал последний взрыв. И тут я заметил, что небо у нас над головой потемнело от туч. Солнца уже не было видно. Однако это было не самое удивительное. Я не увидел береговой линии! Видимо нас отнесло в море. Капитан тоже это заметил. Он побежал в рубку к рулевому, крича на бегу ругательства, которые потонули в мощном раскате грома, прозвучавшем с небес. Капитан остановился и поглядел вверх. Сверкнула молния, а потом раздался такой оглушительный раскат грома, что наш корабль содрогнулся.

Я бросился за капитаном в рубку. Небеса разверзлись, и хлынул сильный ливень. В рубке я застал капитана, его помощника и рулевого, которые склонились над картой и измерительными приборами, горячо обсуждая сложившуюся ситуацию.

– Корабль относит к юго-востоку – растерянно говорил рулевой Паркинс – гребной винт заклинило, и пока мы предоставлены сами себе.

– Надо связаться с подлодкой – сказал капитан.

– Связь не работает – ответил помощник капитана.

– А это еще почему? – взорвался капитан.

Дверь рубки внезапно распахнулась. Промокший до нитки матрос, запыхавшись, сказал:

– Молния попала в радиоантенну!

Это было уже слишком. Хотя от разбушевавшейся стихии нас отделяли прочные стальные стены, думаю, все находящиеся в рубке ощутили неуверенность, переходящую понемногу в панику.

– Что же нам делать? – капитан скорее задал этот вопрос себе, чем нам. Он подошел к стеклу, в которое с яростью барабанил дождь. Потоки воды струились по стеклу и устремлялись вниз. Корабль трясло. Один раз показалось, что мы налетели на рифы, но к счастью обошлось. Я напряг зрение. По-моему, небо на востоке начинало светлеть. И действительно, через час дождь прекратился, и тучи стали рассеиваться.

– Капитан, вы не поверите – удивленно сказал Паркинс – нас отнесло на триста миль к югу!

– Этого не может быть! – вскричал Ламли и поглядел на часы – за четыре часа нас отнесло на такое расстояние, которое мы не проплыли бы и на полном ходу за такое же время!

Это было действительно невероятно. Может быть, рулевой ошибся, думал я. Паркинс тоже был изумлен, хотя не был совсем уж новичком в морском деле, но выглядел очень молодым даже для своих неполных двадцати трех лет. Тем временем капитан напряженно всматривался в стекло рубки, пытаясь увидеть, что творится на палубе.

– Я никого не вижу – тихо проговорил он.

Посмотрев в окно на палубу, я тоже никого не увидел, и это было странно. Кто-то из экипажа должен был после бури выйти на палубу. Может, они еще спрячутся от дождя?

– Пойдем на палубу – командным голосом обратился к мне Ламли – а вы оставайтесь здесь.

Мы с капитаном вышли на мокрую палубу. Первое что неприятно поразило меня – это странный запах на палубе. Запах протухшей рыбы. Тягучий и чрезвычайно сильный. Но откуда

ему здесь взяться? Разве что, буря выбросила несколько мертвых рыбин из моря к нам на корабль. В недрах моего тела зарождалась тревога. Капитан тоже почувствовал запах. Мы начали осматриваться, пытаюсь определить его источник. Подойдя к двери, ведущую к внутренним помещениям корабля, мы увидели страшную вмятину в стенке.

У меня похолодело внутри, когда я стал ее осматривать. Как будто чей-то молот, увеличенный в сотни раз ударил в стальную стенку под острым углом. Впрочем, воображение наверно меня подвело, думал я, наверно, корабль зацепился за скалу. Это было вполне обычное объяснение, но... Откуда в открытом море взяться скале? Мы были очень далеко от любого побережья. Капитан попытался открыть дверь, и она легко отворилась, так как дверной проем был значительно чем-то (или кем-то?) расширен, и принял форму неправильного овала. Ламли также был явно встревожен.

На полу в небольшом помещении, служившем складом для всякого барахла, вроде ведер, швабр, каких-то железяк, виднелись гораздо более ужасные следы. Но следы чего? На этот вопрос ответить было пока невозможно.

Четыре глубокие борозды шириною в фут на железном полу. Листовое железо было порвано, словно эта была не легированная сталь, а обычная бумага. Через эти разрывы в полу виднелись нижние помещения корабля. На полу виднелись капли засохшей крови. Предметы, находившиеся в помещении, были раскиданы по всему полу. Запах протухшей рыбы, царивший на палубе, здесь чувствовался не особенно сильно, но он был! Капитан побледнел, а у меня внутри сжался ледяной комок страха. Случившееся больше всего пугало своей неизвестностью.

Мы спустились в трюм. Пока никто из нас еще так и не увидел ни одного живого человека, за исключением тех, кто находился в рубке во время ливня. Капитан снял заряженный револьвер, висевший на поясе, и двинулся к камбузу. Я осторожно последовал за ним. Из-за двери камбуза доносилось чье-то испуганное бормотание. На стук никто не ответил, несмотря на то, что кто-то живой в помещении всё-таки был. Тогда капитан прокричал:

– А ну, открывай, живо!

Железная дверь с лязгом отворилась, и мы увидели трясущееся лицо кока. Сам он сидел на полу и сжимал в руке кухонный тесак. Капитан вырвал из его руки нож и резко спросил:

– Что здесь происходит?

– Я слышал крики на палубе. Страшные крики. – пролепетал кок – на палубе. там что-то было. оно напало на них. что-то ударило в стену.

– Да успокойся ты, мы просто налетели на рифы – капитан и сам не верил своим словам, однако продолжил – и гребной винт, поэтому не работает.

– Нет, сэр. – сказал кок – там все-таки что-то было.

Капитан не стал его больше слушать и вышел. Я слышал его удаляющиеся шаги. Видимо капитан был в полнейшем смятении, но старался не показывать этого. Посмотрев на кока, мне стало ясно, что и он сильно напуган. Признаться, мое состояние было не намного лучше. И тут кок заговорил опять, уже более спокойно, видимо, пытаясь донести до меня смысл произошедшего:

– У меня есть двоюродный брат, он работал в Иннсмауте. В последний раз, когда я его видел, он рассказывал странные вещи. На рифе Дьявола он как-то в полночь видел диковинные фигуры. Они лишь отдаленно напоминали людей, но сами жили якобы под водой. Они могли плавать как рыбы, и погружаться на самое дно. Существа поклонялись какому-то морскому богу. В городе даже была какая-то секта в честь этого бога. Я запомнил... Они называли его Дагон. Жители верили, что он существует, а некоторые даже видели его собственными глазами.

Однако этот Дагон в свою очередь являлся слугой ещё более могущественного морского божества, название которого я даже выговорить не могу, не то, что запомнить. Помню только,

что про него говорили, что он лежит мертвый под водой и видит сны. А Дагон и глубоководные существа служат ему, и однажды он поднимется из глубин, сея ужас и разрушение.

В нормальной обстановке я бы посмеялся над этим рассказом, но тогда на корабле в той пугающей обстановке мне стало страшно. Первобытный страх, возникший в душе, стал вытеснять разум. Начав размышлять над услышанным, а главное над увиденным, я услышал крик рулевого Паркинса:

– Капитан! Земля! Я вижу землю!

Выбежав на палубу, я увидел на горизонте землю. Капитан с помощником всматривались вдаль и тихо переговаривались. Наш корабль относил, правда, очень медленно, к видневшемуся вдали берегу. К нам подошел матрос, который был с нами в рубке и сказал, что с правого борта имеется повреждение.

Мы бросились на другую сторону корабля и увидели, что из борта был выломан кусок. Подойдя ближе, я увидел, что кусок был выломан со стороны судна и видимо упал в море. Однако я разглядел нечто ужасное на краях пробоины. Это были клочки человеческого мяса и кожи, а также обрывки одежды. Сомневаться в том, что это принадлежало одному из матросов, не приходилось. Очевидно, что он оказался за бортом. Полные плохих предчувствий, мы разошлись по каютам не в силах что-либо изменить. Наше будущее целиком зависело от моря.

Я пытался заснуть и, наконец, мне это удалось. Мне приснился совершенно невероятный сон об огромных подводных циклопических городах из титанических блоков и о вздымающихся до неба монолитах, истекающих зеленой вязкой жидкостью и начиненных скрытым ужасом. Все стены и колонны там были покрыты непонятными письменами, не похожими ни на один из известных языков, а снизу, с какой-то неопределенной точки звучал голос, который даже голосом то не был; трудно осязаемое ощущение, которое лишь силой воображения могло быть преобразовано в низкий приближающийся вибрирующий звук: «Пх'нглуи мглв'нафх Ктулху Р'лайх угах'нагл фхтагн».

II

Проснувшись в поту и посмотрев на часы, я обнаружил, что наступил полдень. Взволнованно обдумывая вчерашние события, я вышел на палубу. Мне открылось странное зрелище. Земля, которая вчера была лишь узкой полосой на горизонте теперь лежала с правого борта корабля, примерно в полумиле от берега. С нее доносился какой-то гул и хоровое пение. Его производила, судя по общему впечатлению, толпа дикарей. Дикари сопровождали свое пение взмахами рук.

И тут я вздрогнул. Пение содержало в себе уже знакомые мне слова. Не могу ручаться за все слова, но «Р'лайх» и «фхтагн» звучали довольно отчетливо.

В гуле я распознал частые удары глухих барабанов. Я заметил капитана.

Меня поразило удовлетворенное выражение на его лице. Словно отвечая на мой не прозвучавший вопрос, он довольно сказал:

– Хорошие новости, винт заработал! Правда на полной скорости мы двигаться не сможем... Но зато теперь мы можем плыть обратно.

– Это конечно хорошая новость капитан – неуверенно сказал я – но как быть с пятерыми бесследно пропавшими членами экипажа?

Капитан помрачнел.

– Они пропали без вести при выполнении боевого задания, такое иногда случается, и именно так и будет записано в рапорте – подумав, сказал он.

– Главное, что мы живы и скоро вернемся домой – произнес подошедший помощник капитана. И продолжил:

– Капитан, как вы думаете, что означают эти туземные песни?

– Не знаю – поморщился Ламли – мне они уже действуют на нервы. Они звучат с самого утра, и именно они меня разбудили. Пойду, скажу рулевому, чтобы сменил курс и двигался в нужном направлении.

Он ушел в рубку, а меня терзали вопросы. Множество вопросов, мучительно требующие несуществующих ответов. Неужели наши приключения, наконец, подошли к концу? И откуда взялись эти кошмарные сновидения? Какая дьявольская сила занесла нас в этот затерянный уголок? Что это за остров, на который мы наткнулись? Что за обряды там проводятся? Что случилось с пропавшими матросами?

Наш эсминец начал медленно поворачиваться и еще медленнее стал удаляться от берега. Я смотрел на удаляющуюся землю, и тут до меня дошло: пение на острове прекратилось! Помощник капитана тоже это заметил. На его лице появилось изумленное выражение. Подошел капитан и удивленно спросил:

– Почему они прекратили петь, черт возьми!?! Они что, заметили, что мы уходим?!

Никто не знал, что ответить на это. И тут пение на острове возобновилось. Однако это не совсем точно. Сотни глоток стали выкрикивать одно и то же слово, показавшееся мне знакомым.

– Дагон! Дагон! Дагон!

Судовой повар! Он упоминал этого бога, когда рассказывал о его глубоководных поклонниках, тесно связанных с Иннсмаутом. Но откуда его знают здесь? За сотни миль от города? Или это древний культ морского бога, объединяющий людей во многих уголках мира? У меня появилось не просто чувство тревоги. Чувство приближения огромной опасности овладело моим рассудком, и мне захотелось прыгнуть в море. С трудом овладев собой, я посмотрел на капитана. Им, похоже, овладевали те же чувства.

Тут я перехожу к самой неправдоподобной части моего рассказа. Многие сочтут это вымыслом или бредом сумасшедшего, прочитав его, но, тем не менее, это действительно было!

Возвращаясь мыслями назад, к тому кошмарному плаванию в неизвестных морях и под завывания кошмарного чужеземного обряда, меня колотит неудержимая дрожь.

Я уже упоминал, что чувство огромной опасности овладело мной. Но оно пришло неслучайно. Внезапно мои ноздри уловили странный запах. Это был тот самый запах протухшей рыбы, которым пропахла вся палуба в ту ночь, когда шел ливень. Запах за сутки почти выветрился, но в тот момент он возник с новой силой. Нестерпимая вонь проникла в носоглотку, заставляя меня кашлять. Ламли с помощником тоже его почувствовали и пошли к носу корабля, посмотреть не находится ли в море гнилых останков каких-нибудь рыб, издающих это уже непереносимое зловоние.

Когда я описываю, что же произошло дальше, моя рука начинает сильно дрожать и приходится некоторое время успокаиваться.

В тот момент, когда капитан с помощником уже подходили к носу корабля, из моря взметнулись две волны и обрушились на палубу корабля, который уткнулся во что-то. Нечто громадное. Следом за ними на борта корабля, в части расположенные у носа, с разных сторон, с мокрым звуком упали два огромных предмета. До сих пор удивляюсь, почему я уже в тот момент не потерял сознание. Может уже тогда бы я обрел вечный покой, и никогда бы не просыпался с криком по ночам, мокрый от холодного пота.

Я разглядывал эти предметы всего несколько секунд, пока до меня постепенно не дошло, что это две огромные руки, вернее пятипалые лапы, с кожистыми перепонками между пальцев, увенчанных длинными когтями. Не успел я это до конца осознать, как появилась и голова неведомого чудовища!

Огромная, куполообразная сфера, чем-то напоминающая верхушки церквей, только без шпиля. Мутные рыбы глаза размером с надувные шары с безумной злобой уставились на стоящих у носа корабля людей, недоразвитые уши плавно переходили в жабры по бокам шеи, они с шумом втягивали воздух. Пещерообразная пасть с ужасным ревом открылась, и все пространство вокруг потряс адский вой. Острые зубы, каждый из которых был размером футов в пять, плотоядно клацнули.

Капитан с помощником онемели от ужаса. Они даже не двинулись с места, когда одна лапа, с чавкающим звуком оторвалась от борта, накрыла их, и, схватив, потащила к кошмарной бездонной пасти. Я лишь успел заметить, что один из когтей пробил капитана насквозь, и Ламли умер еще до погружения в зловонный рот кошмарного монстра. Однако помощник капитана кричал еще долго, даже тогда, когда рот чудовища закрылся, и капли крови закапали из пасти на зеленоватую плоть чудовища, покрытую отчасти чешуей, отчасти бородавками.

Оно на мгновение замерло, как бы проглатывая ужасную пищу, а потом разразилось громовым ревом, напоминающим триумф победителя. Крики туземцев, ранее доносившиеся с берега, стихли.

Неожиданно прозвучал выстрел. Я увидел что, на плече чудовища появилась зеленоватая жидкость, по-видимому, кровь, цвета под стать этому ужасному существу. Ко мне подбежал матрос с винтовкой, он прицелился и еще раз выстрелил. Монстр заревел и за пару секунд сметился к левому борту, накрыв нас гигантской лапой. Я едва успел отскочить. Длинные когти лишь разорвали одежду на мне, сомкнулись вокруг матроса и потащили его вверх. Винтовка со стуком упала на палубу.

Я смотрел на нее, как мне показалось, очень долго, и вдруг меня осенила мысль. Я увидел, как мала винтовка, по сравнению с размерами чудовища.

Но ведь на корабле есть оружие и покрупнее. Пушка! На носу стояло спаренное орудие, стрелявшее снарядами, хоть и не очень мощными, но все же... Разрывные снаряды... Это был шанс, если и не убить, то хотя бы ранить чудовище.

Я стал ползком осторожно красться к орудию, чтобы не привлекать внимания монстра. Ужасная рыбная вонь, казалось, обволокла корабль, и не давала свободно дышать. Многове-

ковое чудище, сводящее с ума одним своим видом, восстало из морской бездны, а я сам того не понимая бормотал какую-то молитву, подползая к пушке.

Монстр внимательно разглядывал трепыхающегося в лапе матроса. И хотя кошмарные рыбы глаза ничего не выражали, я готов был поклясться, что чудовище удивлено тем, как такая маленькая тварь осмелилась причинить ему боль. Ему! Богу, которому поклоняются тысячи людей, подобных этому матросу, который сейчас абсолютно беспомощен, находясь в полной власти морского божества...

Я добрался до орудия и развернул его. Судно давно уже не двигалось. И я даже не знал, где сейчас рулевой и кок. Может они лежат в корабельных помещениях ничком, лишённые остатков разума, при встрече с морским богом, восставшим из морских глубин, благодаря дьявольскому колдовству.

Но мой разум еще не помутился окончательно. Я поймал чудовище в перекрестье прицела, в тот момент, когда тело матроса исчезало в зубастой пасти. Пушка выплюнула в сторону монстра струю огня. От грохота у меня на время заложило уши. Снаряд попал точно по центру груди. Зеленая плоть лопнула, из нее хлынула вонючая густая кровь.

Чудовище заревело так, что мои барабанные перепонки едва не лопнули. Его кошмарные глаза на мгновение закрылись. На какое-то время оно замерло, но очень ненадолго. От страшного ранения монстр оправился на удивление быстро, и через минуту, успокоившись, уставился на меня немигающими глазами, видимо не понимая, что происходит. В этом взгляде на меня смотрело средоточие всего зла во Вселенной, воплощение самых зловещих кошмаров, когда-либо снявшихся человечеству.

У меня оставался последний шанс. Через прицел я видел, как чудовище занесло лапу с растопыренными пальцами для удара. Отчетливо выделялись перепонки между пальцами, покрытых слизью, в которой копошились какие-то организмы. Я перевел прицел выше и выстрелил чудовищу в голову. На этот раз снаряд попал ему точно между глаз. Монстр глухо заревел, схватился обеими лапами за голову и рухнул спиной в море, окатив корабль каскадом соленых брызг. Наступила мертвая тишина.

Но я понимал, что медлить нельзя. Сколько времени понадобится чудовищу прийти в себя, я не знал и побежал к рубке. Забежав туда, я увидел на полу тело рулевого. На лице Паркинса застыла маска невообразимого ужаса. Он был мертв. Видимо, не выдержало сердце после встречи с первобытным Злом. Я запустил двигатель и стал разворачивать корабль. Мне хотелось поскорее выбраться из этого кошмарного места, логова чудовищного Дагона, этого отвратительного Бога Рыб, из этого уголка, вместившего в себя столь древнее зло, которое старше самого человечества!

III

Все происходящее потом я помню очень смутно. Корабль медленно двинулся из этого проклятого места, оставляя позади и неведомый остров, и пучину, в которой исчезло кошмарное божество. Через некоторое время разыгрался чудовищный шторм. Казалось, небесные Боги решили отомстить мне за их поверженного водяного собрата. Молния несколько раз била в корабль, ливень лился как из водопада. Гигантские волны бросали стальной эсминец как скорлупу от ореха из стороны в сторону.

Я сидел на полу в рубке и молился об одном. Только чтобы не заглох двигатель. Иначе я останусь навеки в этой водной пустыне океана, который, думается, еще много чего такого таит в своих глубинах, скрытого от посторонних глаз и предназначенного только взору посвященных людей. Ужас, скрытый в подводном мраке, ждет своего часа, чтобы восстать и обрушить на человечество ярость чудовищного зла и кровавого кошмара...

Помню, что от яростной качки я стал терять сознание. Силы понемногу оставляли меня. Вода начала просачиваться в рубку. В оконном стекле мне начали мерещиться чудовищные образы. Я вспомнил о своих погибших в этом смертельном плавании товарищах, подумал о том, где сейчас может быть корабельный повар... Бедный, пожранный чудовищем капитан. В моем мозгу снова зазвучали странные заклинания неведомого звука, слышанного во сне, и казалось, исходившего из морских глубин. Размытые силуэты снаружи становились все ужасней, и, наконец, я потерял сознание.

Очнулся я на борту американского корабля, высланного на наши поиски. Наш эсминец отсутствовал пять дней, и был обнаружен в десяти милях от рифа Дьявола, откуда и началось наше кошмарное плавание. В трюме был обнаружен захлебнувшийся от просочившейся воды повар, в рубке лежало два тела. Моё и рулевого Паркинса. На моей руке слабо прощупывался пульс, и меня отправили в отдельную каюту под надзор опытного врача. Показания мои тщательно записали, и передали ФБР.

Это я уже узнал после того, как был помещён в психиатрическую лечебницу. Не столько из-за умопомешательства, сколько из-за строгой секретности этого дела. Еще я узнал, что гребной винт нашего эминца был сильно погнут, причем таким образом, что мысли о рифах отметались сразу, а спасательный корабль наткнулся в море на разодранный труп кашалота. Повреждения на нем были настолько ужасны, что поползли слухи о нечистой силе, обитающей в окрестных водах. Но капитан корабля строго пресек подобные слухи, отметив в рапорте, что наткнулся на труп кашалота, погибшего, очевидно, в схватке с другими китами. Это выглядело правдоподобно для общественности, но не для меня. Ибо я знал, какое зло скрывается в темных морских глубинах.

Подводная лодка, которую мы тогда сопровождали, бомбила на глубине, по всей видимости, прибежище какой-то морской нечисти, с одной из которых в лице Дагона мы и столкнулись. Мне одному удалось выжить после встречи с кошмарным божеством из древних легенд. Очевидно, разыгравшийся шторм вернул Дагона обратно в бездонную морскую пропасть, где он и будет пребывать, пока его опять не потревожат. Но общественность так никогда и не узнает, что на самом деле произошло, ни на том проклятом побережье Иннсмаута, ни с нашим эминцем. И даже не будет догадываться о тех древних ужасах, что таит в себе неизведанная бездна Океана.

Повелитель Хаоса

«Помни, что сущность Древних содержится во всех вещах, тогда как Сущность Старших есть во всем, что живо, и сие пригодится тебе, когда придет время...»

Некрономикон

Эта ужасная история произошла с моим другом Джеймсом Баркером, с которым я познакомился в университете Аркхэма, где мы учились. По натуре нелюдимый, он по каким-то причинам тянулся ко мне, возможно из-за того, что я всегда его внимательно слушал, независимо от того, что он в очередной раз пытался мне втолковать. Учился он неважно, однако испытывал интерес к астрономии и геометрии. Баркер постоянно задавал мне вопросы: что я думаю об окружающем нас мире, существуют ли иные миры и какие существа могут в них обитать.

Все эти вопросы я считал ерундой, поэтому отвечал Баркеру односложными фразами. Меня же в Баркере привлекала некая загадочность, в нем сквозило стремление, хоть и тщетное, познать неизведанное, лежащее за пределами привычного воображения. И в отличие от праздных гуляк действительно увлекался наукой, пусть и в несколько специфичных областях.

Время в университете пролетело быстро, наша учёба закончилась. Защитив кандидатскую диссертацию по физике, я стал время от времени читать лекции первокурсникам. На жизнь мне хватало, а о Баркере я забыл. Скорее всего, он вообще уехал тогда из города, так как даже никто из наших общих знакомых о нем ничего не слышал. Однако тем более неожиданной для меня оказалась встреча с ним на одной из темных улочек Аркхэма, куда я забрел, гуляя как-то осенним вечером.

– Эй, мистер! – окликнул меня сзади чей-то хриплый голос.

Я обернулся и замер в изумлении:

– Баркер?

Да, это, несомненно, был он. Правда, сильно похудевший, с ещё более пронзительным взглядом, но, несомненно, он.

– Где ты пропал? – не переставая удивлённо его разглядывать, спросил я.

– Долгая история... – о чем-то задумавшись, приглушённо ответил Баркер.

– Почему тебя никто не видел в городе?

– Я вернулся только вчера из... путешествия – странно улыбаясь, загадочным тоном поведал мой давнишний приятель.

– Из какого? – любопытствовал я.

– Да так... попутешествовал немного. Заходи ко мне в гости как-нибудь, подробнее пообщаемся – сказал Баркер и назвал какой-то адрес. Названная улица мне совершенно была незнакома. Не успел я что-либо промолвить, как мой бывший приятель юркнул в какой-то переулок и исчез.

Я двинулся к своему дому, в котором снимал квартиру уже полгода, раздумывая над неожиданной встречей с бывшим однокурсником. Встреча с ним, безусловно, меня обрадовала, ведь на ум приходили разные печальные участи, постигшие моих сокурсников после университета. Поэтому увидев Джеймса живым и невредимым, положительные эмоции захлестнули меня. Конечно, надо будет с ним повидаться ещё и расспросить его подробнее.

Адрес, названный Баркером второпях, я запомнил и поэтому, вечером следующего дня отправился на его поиски. Идти пришлось долго, прохожие с некоторым удивлением отвечали, как пройти к данному дому, который я искал. Позже я понял почему. Дом располагался в самом заброшенном районе Аркхэма. Даже нищих здесь не было видно. На пути попадались только

бездомные кошки и собаки. Пахло дурно, как впрочем, и положено пахнуть в таких местах. Кое-где помои валялись прямо на улице.

Наконец, я увидел нужный дом. Однако подойдя к нему, я засомневался: живёт ли кто в нем. Дом выглядел заброшенным. Темные глазницы окон, без малейшего намёка на свет внутри дома, молча, взирали на меня. Поколебавшись, некоторое время, я все же постучал в дверь, нисколько не надеясь на успех. Постучав, я прислушался. Мне показалось, что я слышу какой-то гул и ощущаю подошвами ног слабую вибрацию. Чтобы это могло быть? Вдалеке прокаркал ворон. Я стоял один, на потрескавшихся ступенях заброшенного дома, а вокруг витали запустение и разруха. Внезапно дверь дома распахнулась внутрь, и в нос мне ударили столь ядовитые миазмы, что я закашлял. Из тёмного нутра дома раздался знакомый голос:

– Проходи, не бойся! Здесь просто давно не убирали.

Я опять заколебался, но все же неуверенно шагнул вперёд. Где-то впереди раздавались шаги Баркера. Тьма окутала меня. Пытаясь двигаться наощупь, я сделал несколько шагов вперёд. Гнилой пол скрипел под моими ногами, вонь, царившая внутри этой хибары, казалось, усиливалась с каждым моим шагом.

В конце тёмного коридора я, наконец, увидел пятно света, подсказывающее мне ориентир. Дойдя до него, я увидел небольшую комнату. В центре неё на стуле сидел Баркер и жевал бутерброд. Около него стояло ведро с водой, очевидно для питья.

Комната была грязная, но насколько бы здесь не было грязно, едва ли неопишуемая вонь, пропитавшая весь дом, была следствием отсутствия уборки в помещении. Источник её видимо находился вне комнаты. Баркер явно опустился до недостойного нормального человека состояния, и оставалось гадать: из-за его ли странных увлечений это произошло.

Из мебели в комнате находились ещё один стул и старый стол. Они оба были заваленными увесистыми книгами, некоторые из которых, судя по рассыпавшимся переплёткам, были совсем старые. Одна из них была открыта, и на странице красным было жирно что-то подчёркнуто. Я подошёл и прочёл необычный призыв, обращённый видимо к читателю этой книги: «Взывай к ужасному Азатоту, когда Солнце находится в знаке Овна, Льва или Стрельца; когда Луна идет на убыль, а Марс соединяется с Сатурном...»

– Что это означает? – спросил я.

Баркер ухмыльнулся и сказал:

– Помнишь, меня всегда интересовало существование других миров отличных от нашего? Помнишь, я говорил, что они существуют, что существуют другие существа, обитающие в этих мирах. Для которых земные законы времени и пространства не властны.

Я путешествовал по миру, бывал в разных местах, в Тибете, на некоторых островах Тихого океана, где сохранились реликтовые культы, древностью превосходящие не только человечество, но и саму Землю. Мне удалось найти хранителей сокровенных знаний, открывающие ворота в другие миры. Они научили меня многому. Эта открытая книга, тот самый чудовищный «Некрономикон» который даёт знающему – абсолютную власть! С помощью неё можно увидеть Иных. Я уже сам видел Их!

Монотонный голос Баркера почти загипнотизировал меня. Отвращение от этого места ещё более усилилось. Я резко сказал:

– Баркер, с годами ты так и не повзрослел. Помнись! Ты набрёл на каких-то шарлатанов, и они внушили тебе этот бред.

Договорить я не успел. Гневная речь моего бывшего приятеля наполнила, казалось, весь дом:

– Ты говоришь, что они шарлатаны? Ты говоришь, что все это бред? Даже после того, что они мне показали? Да если бы ты это увидел, то навсегда бы потерял рассудок. Ты даже не представляешь себе, насколько примитивен человек, по сравнению с ЭТИМИ тварями. Впрочем, у тебя будет возможность все увидеть. Приходи сюда через три дня, и я продемонстрирую

тебе, что все твои представления о нашем мире, как о единственном во Вселенной, совершенно ошибочны!

– Мне надоело слушать этот бред! – я двинулся вон из этой комнаты, из этого дома, прибежища безумца, бывшего когда-то моим приятелем, окружившего себя такой атмосферой, в которой и немудрено свихнуться. Однако на полпути я на минуту остановился и спросил, сам не зная зачем:

– А почему именно через три дня, а не сейчас?

Ответ Баркера в этой зловонной мгле старого дома прозвучал зловеще:

– Потому что Луна пойдёт на убыль, а Марс соединится с Сатурном...

Придя домой, я разделся и сразу же лёг спать, пытаясь поскорее отделаться от неприятного ощущения, оставшегося после посещения Баркера. Сомкнув веки, я погрузился в сон. Однако сновидения были кошмарными. В доме Баркера меня преследовали какие-то огромные тени, воздух клубился от присутствия чего-то громадного, но совершенно невидимого. Знакомая вонь была ещё более невыносимой. Я начал задыхаться во сне и совершенно измученный проснулся. Солнце уже светило довольно ярко. Я оделся и пошёл на лекции в университет.

Два дня пролетели довольно быстро. Постоянно вспоминая о Баркере, я думал, что ему необходима помощь врача, пока безумие не заставило его наложить на себя руки. Кошмаров мне больше не снилось. Моё душевное спокойствие восстановилось, и я решил нанести Баркеру ещё один визит. Как раз прошло три дня, и я рассчитывал после его бесплодных попыток доказать мне что-то, уговорить его в свою очередь обратиться к врачу.

Одевшись потеплее, я не спеша двинулся к дому моего безумного, а я в этом уже не сомневался, друга. На ходу припоминая наш с ним последний разговор, я задумался о его последних словах насчёт небесных планет. Непроизвольно вскинув голову, я посмотрел на звёздное небо. Увиденное неприятно удивило меня. Не считая себя великолепным знатоком созвездий, тем не менее, я отметил явные странности на вечернем небе. Знакомых созвездий, которые я привык видеть, не нашлось. Странные звёздные скопления то резко вспыхивали, то гасли. Две самые яркие звезды находились рядом друг с другом, и по красноватому цвету одной из них, я понял, что это Марс.

Когда я подошёл к дому Баркера, то увидел в одном из окошек свет. Это придало мне уверенности. Посмотрев перед заходом в дом последний раз на небо, я отметил, что Марс со звездой почти слились в одно целое. Видимо второй звездой был Сатурн, о котором говорил Баркер. Это вселило в меня неприятное чувство, так как в чём-то подтверждало слова Баркера и совпадало с призывом из той загадочной книги совершить что-то, когда эти две звезды соединятся. Но отступать было уже поздно, и я вошёл в дом, так как дверь оказалась незапертой.

Глаза мои сразу же уткнулись в зловонную тьму коридора, которая, впрочем, не была абсолютной как в прошлый раз. Вдалеке дрожали огоньки целой вереницы зажжённых свечей, уходивших в темноту. Тёмное нутро прогнившего дома дрожало от какой-то вибрации непонятного происхождения. Как будто где-то работал огромный и почти бесшумный двигатель. Я пошёл на огоньки свечей. Пол угрожающе скрипел, и мне приходилось замедлять шаги, опасаясь падения в неизвестность, в случае пролома гнилых досок.

Достигнув комнаты, где прошлый раз вёл беседу с Баркером, я с удивлением обнаружил, что ряд зажжённых свечей, начинаясь от этой комнаты, достигает другой двери в конце коридора. В прошлый раз я её не заметил, и очевидно у Баркера там имелся какой-то склад или чулан. В комнате Джеймса не было, по-прежнему стояли всё те же стулья со столом, тщетно ожидающих хозяина. Та же раскрытая книга с красной пометкой; возле стола помимо знакомого ведра стояла горящая керосиновая лампа. Комната не стала чище с момента моего первого появления в ней. Даже наоборот. К грязному хламу, разбросанному на полу, прибавились какие-то булыжники, на которых при внимательном осмотре оказались какие-то надписи на незнакомых мне иероглифах. Странной сладковатой вони в доме тоже не убавилось.

На одном из стульев я заметил клочок бумаги. Корявый почерк принадлежал явно Баркеру. Написанное внушало тревогу, которую я впрочем, попытаться отбросить, вспомнив, что Баркер был явно не в своём уме ещё три дня назад. Чем внимательнее я читал слова, написанные корявым почерком моего друга, тем сильнее тревога накатывала на меня. Текст гласил:

«Я сделал это... Но даже я, привыкший к самому страшному колдовству ужаснулся содеянному. Я открыл врата. Но не знал кто скрывается за ними. Это он!!! Владыка хаоса, повелевающий Древними! Эти врата необходимо закрыть. Сотри главный знак, иначе будет поздно. Если ты читаешь это, значит меня уже нет. Сотри этот знак, иначе через врата придёт конец всему живому и разумному на этой планете. я слышу Их.»

Признаться меня охватил страх. Скорее это был страх от неизвестности, который увеличивался от осознания огромной опасности, нависшей надо мной невидимым удавом. Я понимал это каким-то шестым чувством. Как ни старался я отбросить дурные мысли, в этом доме от ощущения опасности избавиться было не так легко. Неужели какая-то часть в словах безумного Баркера всё же была правдой?

Взяв лампу, я двинулся к той самой таинственной двери, к которой вели горящие свечи. Вибрация стала сильнее, слышался приглушенный гул.

Гнилой пол дрожал под ногами и усиливал страх. Дверь была неплотно закрыта, и я рывком распахнул её и остановился поражённый.

Зрелище, которое открылось мне в огромной темной комнате, оказавшейся за дверью, кардинально отличалось от всего того, что я ожидал увидеть.

Однако, говоря о темной комнате, я был не совсем точен. В комнате было довольно светло, но источник света был невероятным.

Все стены, потолок, и пол были разрисованы разными геометрическими фигурами, символами и иероглифами, похожими на те, которые я видел на камнях в комнате Баркера. И все это каббалистическое художество светилось! На всю стену, прямо напротив двери, был нарисован странный знак, представляющий собой бесчисленные окружности, с пересекающими их прямыми и какими-то мелкими символами. Он светился ярче всех. Я шагнул к нему и вдруг вспомнил! Главный знак! О нём ли писал Баркер на том клочке бумаги? И не была ли это его записка предсмертной?

Я подошёл ближе к знаку и заметил какое-то волнение за ним. Присмотревшись, я в очередной раз изумился. Знак как будто висел в воздухе. Стены не было! Доски пола, доходя до одного уровня со знаком далее загадочно обрывались. Наступив на край досок, я удостоверился в этом, когда носок моего ботинка качнулся вниз. Я решился осторожно высунуться за нарисованный символ. Едва моя голова очутилась в пустоте за знаком, мои барабанные перепонки едва не лопнули от дикой какофонии звуков, обрушившихся на меня. Я зажал ладонями уши и расширенными от страха глазами начал взирать на представшую передо мной панораму.

Казалось, я стою на краю (или на дне?) глубочайшей пропасти. Далеко передо мной в звёздной бездне ворочалась огромная тёмная, колышущаяся воздушная масса. Я не зря употребил слово – ворочалась. Иногда обретая контуры, и тут же их теряя, потоки тёмного воздуха сжимались в центре массы и разжимались подобно чьим-то гигантским челюстям, как будто что-то пережёвывающим.

Эту воздушную массу пронизывали без конца какие-то завихрения. Какофония звуков, обрушившаяся на меня, представляла собой гул (тот самый!) от множества невидимых барабанов почти сливавших в один звук, изредка этот гул прорезали резкие звуки от каких-то флейт или дудок, также бывших невидимыми, по крайней мере, моему глазу. Иногда эту тёмную воздушную массу облетали (именно облетали!) внушительного размера светящиеся радужные шары, мечущиеся в разных направлениях хаотическими зигзагами.

Временами какие-то фиолетовые вспышки, внутри пульсирующей воздушной массы освещали на короткое время всю эту картину, порождённую, словно каким-то воспалённым

воображением. Громадные тени чудовищных созданий витали где-то выше. Я мог лишь догадываться об их внешнем виде. Весь воздух вокруг зловещего воздушного хаоса, казалось, кишел какими-то существами, приводивших воздушные массы в смятение. Порывы ветра, несущие потоки отвратительной вони, хлестали меня по лицу. Везде царил темный хаос движения и пространства, постоянная изменчивость форм. Теперь-то я знал, от чего пропах весь этот адский дом, ставший прибежищем для преисподней. Замерев в состоянии ступора от нахлынувших на меня одновременно, ужаса, благоговения и изумления, я не сразу заметил нависшей угрозы.

В разгар созерцания этого inferнального бреда, от которого тело налилось свинцом, а мозг отказывался что-либо понимать, моё внимание привлекли странные фигуры. Они напоминали каких-то гуманоидов, только ростом гораздо выше взрослого человека, и без конца размахивающих длинными руками. Как будто шли в слепую. И шли они как-то странно! Как бы по воздуху, исчезая и возникая в разных местах, по совершенно невероятным траекториям, медленно поднимаясь и издавая тошнотворные вопли, вылетающих из зубастых голов, с сильно оттянутыми нижними челюстями, от которых кровь стыла в жилах.

Движения их отдалённо напоминали людей, с ограниченной способностью ходить. Это самое приблизительное сравнение, которое, однако, не в состоянии передать все отвращение которое охватывало при виде этих бессловесных, без единого проблеска разума, слепых уродов. До меня постепенно стало доходить, что эти твари направляются ко мне, и новая волна ужаса накрыла меня, когда я разглядел острые когти на длинных пальцах у этих темно-зелёных чудовищ.

Я импульсивно метнулся назад и свалился на пол колдовской комнаты и молча уставился на горящий знак, злобно светившийся в сумраке помещения. За секунду до бегства из той преисподней, я заметил у некоторых длинноруких гуманоидов в руках какие-то странные предметы разной формы и длины. Но сейчас меня больше волновало, что делать дальше.

Я медленно поднялся с пола, и в этот момент из горящего знака вылетел какой-то внушительный предмет и ударился мне в грудь. Я машинально сделал шаг назад, чтобы не упасть и посмотрел на пол. Мне пришлось опять содрогнуться от ужаса и отвращения. Брошенным предметом оказалась человеческая нога, перекушенная у самого колена чьими-то острыми зубами.

С криком метнувшись из этой комнаты, я вбежал в каморку Баркера, лихорадочно пытаюсь сообразить, что мне делать. Мой взгляд упал на окно. На улице было как-то странно. Бросившись к окну, я не поверил своим глазам. Города не было видно! Вообще! Во рту пересохло, и я рефлекторно глотнул воздуха.

Моему взору открылась странная местность. Как будто выжженная солнцем пустыня с отдельными островками из небольших скал. С чёрного неба светили несколько солнц. Около одного из скалистых островков двигалась какая-то бесформенная масса. Она была столь огромна, что я отпрянул от окна. Мне показалось, хотя я не был уверен, что от неё отходят мерзкие извивающиеся щупальца.

И тут я сделал то, что при других обстоятельствах вряд ли ожидал от себя. Я импульсивно, словно повинуюсь какому-то скрытому сигналу, схватил ржавое ведро с водой и побежал в комнату, открывшую ворота в самый настоящий ад. Я понял, что ужас уже проник за пределы той комнаты, и должен был использовать последний шанс. Главный знак! Баркер успел написать, что его надо стереть, прежде чем эти чудовища сожрали его.

Я ворвался в комнату и вскинул ведро с водой. За мгновение до того, как вода обрушилась на огненный знак, я увидел за ним страшную морду, кричащего слепого идиота, продолжающего размахивать руками, в одной из которых была зажата что-то круглое. А за спиной у него виднелась та самая, тёмная, зловещая масса, которая угрожающе клубилась и тянулась в эту единственную дверь, ведущую из преисподней в наш мир, которая оказалось открытой

лишь благодаря Баркеру, безумцу попытавшемуся познать другие миры и сделавшего невозможное. Но даже он ужаснулся от того кошмара, что открылся ему, и жестоко поплатился за свою неумеренную жажду познаний запретного.

Когда вода обрушилась на зловещий символ, раздалось шипение, и на секунду я опять услышал ту мешанину адских звуков, а ещё к ним примешивался чудовищный рёв чего-то огромного, вынужденного и дальше обретаться в своём ужасном мире без шанса на освобождение, которое было так близко...

Комнату заполнил зловонный пар, мало-помалу рассеивающийся. Когда знак почти полностью исчез, исчезло и белое свечение, исходившее от остальных символов. Меня окутала тьма. Но страха больше не было, на душе было удивительное спокойствие того, что самое страшное уже позади. Умиротворение сменило ужас также неожиданно, как и само появление последнего. Я вернулся за лампой, которую оставил в комнате с книгами. За окном был привычный вид города, затянутого предрассветным туманом. От зловещей пустыни не осталось и следа.

Мне хотелось осмотреть место, откуда лишь по чистой случайности я выбрался живым. Керосиновая лампа светила достаточно ярко, позволяя мне увидеть ещё раз причудливые узоры, выполненные в каком-то замысловатом порядке, заставляющем глаз теряться в бесконечных линиях. И тут я заметил, что в комнате появилось что-то, чего явно раньше не было. Какие-то предметы разных форм и очертаний, от круглых до почти квадратных.

Лежали они как раз под тем местом, где находился смытый водой знак. Нагнувшись ниже, я попытался их рассмотреть, и в ту же секунду лампа выпала у меня из пальцев, ослабевших от нового напора нахлынувшего ужаса.

Ибо я увидел останки Джеймса Баркера: голова, отделённая от шеи, разорванные и разломанные самым чудовищным образом конечности, растерзанный торс. Те предметы, которые держали в лапах слепые гуманоиды! Кара, постигшая Баркера за открытие запретных врат, за попытку безнаказанно заглянуть в преисподнюю. То что было взято из нашего мира, в него и вернулось, после того как врата, через которые на Землю смотрят бесформенные адские создания, наполненные злобой ко всему человечеству, захлопнулись.

Я стоял пораженный ужасной истиной, а тем временем пламя из разбитой лампы начало лизать пол, который сразу же загорелся. Я сделал пару шагов назад, не сводя взгляда с предсмертного оскала на залитом кровью лице моего бывшего сокурсника, волею судьбы превратившегося в колдуна, и по счастливой случайности едва не погубившего человечество! Человечество, которое спокойно спит, не подозревая о том, какие ужасы творятся в шаге от него, какая ужасная кара может обрушиться на Землю, стоит какому-нибудь безумцу преступить запретное.

Пламя уже жадно глотало гнилую древесину стен и потолка, когда я стал выбираться из проклятого дома. За мной с грохотом обрушились стены и крыша. Теперь я верил во многое, Баркеру удалось убедить меня в этом. Я проиграл в этом споре, но выиграл, правда, чудом, право жить дальше, хотя это и стало непросто после увиденного мной. Я шёл домой после ночи, проведённой в преисподней и оставшимся в живых. И решил никому не рассказывать об увиденном.

Правда, я ещё не рассказал об одном моменте. О том, что побудило меня с криком схватить ведро с водой и броситься в это смрадную комнату, в слабой надежде спастись, уничтожив, знак, таящий в себе страшную силу. Причиной тому был вовсе не странный вид за окном, хоть он и выглядел угрожающе.

Отпрянув от окна, в котором виднелся inferнальный пейзаж, я случайно бросил взгляд на раскрытую книгу, где краснела пометка сделанная рукой Баркера. Но она по размерам и по тексту явно отличалась от той, которую я видел первый раз. И как только я уяснил себе смысл слов, выделенных нарочито жирными полосками, то сразу же что было сил, схватив ведро с

драгоценной жидкостью, бросился смывать тот страшный символ, открывший двери ещё более ужасному и непостижимому, с трудом поддающееся осмыслению человеческим разумом.

В тот миг я понял все происходящее, как если бы вместо Баркера сам годами читал магические книги. Казалось, самое сокровенное знание, которое оставалось непознанным до этого момента, вдруг на мгновение открылось мне. Ибо та часть выделенного текста несла чудовищный смысл всего происшедшего в этом доме:

«Повелевает же Древними мерзкий, бесформенный и безумный бог Азатот. Он – владыка Хаоса. Великие Древние обитают вместе с Ним в черной пещере в центре бесконечности, где Он жадно вгрызается в бездонный хаос под сводящий с ума грохот невидимых барабанов, нестройный визг пронзительных флейт и неумолчный рев слепых, лишённых разума богов, что неустанно ковыляют без цели и размахивают руками...»

Лампа безумного араба

Ходили предания, что эта лампа была извлечена из древней гробницы, воздвигнутой еще на заре истории. Некогда она принадлежала полусумасшедшему арабу, известному под именем Абдул Аль-Хазред, и была изготовлена мастерами племени Ад, одного из таинственных племен Аравии, обитавшего на юге полуострова. Шли века. Лампу обнаружили в заброшенном городе Ирем, Городе Столбов, возведенном Шедагом, последним из деспотов Ада. Некоторые знают его как Безымянный город, находившийся где-то в районе Хадрамаута. Затем лампа колесила по миру, оставляя зловещий след среди тех, кто с ней соприкасался. И, наконец, волею судьбы оказалась в Архэме.

Лампа имела необычную форму, напоминая по виду небольшой продолговатый горшок, с одной стороны к которому была прикреплена ручка, а с другой находилось отверстие для фитиля. Лампа была изготовлена из сплава металлов, отливавших золотым блеском, и украшена множеством забавных рисунков, а также букв и знаков, складывавшихся в слова на незнакомом языке. С виду она не таила в себе ничего зловещего, однако оказалась причастна к жуткому происшествию, произошедшем с одним из известных людей Архэма.

Официально это убийство (хотя многие считали и считают до сих пор его самоубийством) так и не было раскрыто, однако мне, инспектору Джону Лейграссу, удалось узнать довольно много о сути происшедшего с известным коллекционером разных оккультных и древних рукописей Теодором Смитом, чье тело было обнаружено в его особняке утром 13-го апреля 1938 года. К сожалению, предоставленные мною материалы, полученные в ходе следствия, совершенно не удовлетворили мое руководство, по причине содержания в них довольно большого количества вещей отличных от обыденного взгляда на события повседневности. Некоторые моменты были настолько фантастичны и неправдоподобны на первый взгляд, что не соответствовали даже в малой степени всей совокупности человеческих знаний об окружающем нас мире, измерениях и временных пространствах.

Именно это и подвигло меня взяться за эту рукопись, питаюсь слабой надеждой на то, что кому-нибудь все-таки захочется проникнуть в эту зловещую тайну. Тем более что дело это до сих пор не закрыто за отсутствием поимки потенциального преступника.

Обнаженное тело покойного миллионера Теодора Смита, одного из самых известных оккультистов на американском континенте, было обнаружено в его личном особняке, располагавшемся на окраине города Архэма, на полу в комнате, в центре начерченной пентаграммы, окруженной загадочными символами. Вид покойника был ужасен. Многие кости были переломаны, как будто тело упало с головокружительной высоты, а кожа во многих местах была стерта каким-то белым песком, частицы которого остались на ссадинах покойного.

Вскрытие показало, что у трупа не хватало части внутренностей, удаленных каким-то жутким способом через пищевод, и ротовую полость, которые были чем-то обожжены почти по всей поверхности. Сходным образом были удалены глаза и часть мозга, явив обожженные пустые глазницы обнаружившим труп почтальону и двум полицейским.

Почтальон как обычно принес почту рано утром. Оставив корреспонденцию у двери, он уже собрался было уходить, как вдруг он почувствовал странный запах. Запах был настолько резкий и необычный, что заставил почтальона поперхнуться и в нерешительности осмотреть дом снаружи. Он заметил, что слуховое окно на чердаке разбито и из него струится что-то вроде слабой дымки. Дверь дома оказалась заперта изнутри, что, впрочем, было неудивительно, учитывая ранний час.

Однако почтальон вызвал полицейских, опасаясь того, что в доме произошла утечка газа, ибо резкий запах, доносившийся из дома, его не на шутку встревожил. Полицейским никто не открыл, а когда стражи порядка взломали дверь, они были буквально сбиты с ног волной

такого отвратительного смрада, что вынуждены были отпрянуть на улицу и отдышаться. Когда в дом проникло уже достаточно воздуха, люди вошли внутрь и начали подниматься по винтовой лестнице на второй этаж, по имени окликавая хозяина. Ответа не последовало. Зайдя в комнату на втором этаже, одновременно служившей и чуланом, и судя по всему, местом проведения зловещих ритуалов Смита, полицейские и почтальон увидели обнаженного хозяина дома лежащим на полу, уставившимся обожженными глазами в гнилой потолок чердака.

Я прибыл на место происшествия незамедлительно. Осмотр дома только прибавил несколько загадок к этому и так довольно непростому делу. Убийство было совершено между полуночью и четырьмя часами утра, так как незадолго до наступления полуночи Смита видели стоящего около своего дома и неподвижно смотрящего в звездное небо. Сосед, совершавший утреннюю пробежку, в пять часов утра, неподалеку от дома, заметил, что слуховое окно было то ли распахнуто, то ли разбито к тому времени. Ему показалось, что он чувствует слабый неприятный запах со стороны дома. Но зная причудливые склонности Смита, не заподозрил ничего плохого.

Следы посторонних людей в самом доме совершенно отсутствовали, дверь была заперта изнутри, по-видимому, самим хозяином. Единственная улика того, что в доме побывал, возможно, кто-то еще – разбитое окно на чердаке. Однако его осмотр показал только, что стекло лопнуло от какого-то давления изнутри чердака.

Больше всего поражал удушливый, резкий, неприятный запах в доме. Рядом с телом в каком-то магическом круге стояла еще слегка дымящаяся старинная лампа. Однако мне стало понятно, что не она основной источник зловония.

Какие бы экзотические вещества не сжигали в ней, источник резкого запаха должен иметь совсем иное происхождение и... я бы сказал габариты...

Было такое ощущение, что в доме побывало что-то громадное, одушевленное или нет, но оставившее после себя такой резкий запах, которым успели пропитаться все внутренности дома. Так же было непонятно наличие мельчайшего странного белого песка в ранах покойного. Судя по ссадинам, Смита должны были длительное время волочить по какой-то песочной поверхности. Однако, ни на лестнице, ни даже на самом чердаке, равно как и в любом другом месте дома частицы песка отсутствовали напрочь.

Также я подверг осмотру личный кабинет Теодора Смита. Книжные полки были уставлены самыми разными книгами и фолиантами по оккультизму. Мне и раньше приходилось иметь дело с преступлениями, имевшими оккультную подоплеку, поэтому я не без содрогания узнал в этих книгах – зловещий том «De Vermis Mysteriis» Людвиг Принна, ужасное сочинение графа д'Эрлетта «Cultes des Ghoules», проклятая книга фон Юнтца, «Unaussprechlichen Kulturen» и конечно чудовищный, переплетенный в человеческую кожу, «Некрономикон» безумного араба Аль-Хазреда.

Тогда еще я не знал, насколько уникальны эти книги и какой силой обладают, впрочем, как не понимал и редкости некоторых фрагментарных отрывков: жуткой «Книги Эйбона», пропитанных ужасом «Пнакотических Рукописей», грозного «Текста Р'лайха». На столе помимо всего прочего, были обнаружены на отдельных листах записи самого Смита, имевших отрывочный характер. Я внимательно ознакомился с записями, которые собственно и дали ключ к разгадке.

Записи этого странного человека, как было отмечено выше, носили отрывочный характер, но некоторый смысл в них все же можно было уловить. Состояли они из четырех фрагментов. Привожу их текст полностью. Вот первый из них: «. говорили, что с помощью нее можно найти вход в Семь Надземных Сфер, которые были известны халдеям и древним расам, поклонявшимся богам в забытых храмах Ура. Сферы эти управляются небесными духами, и когда жрец будет совершать свой путь через земли, за которыми лежат Пустоши Внешнего Мира, ему следует оставить Наблюдателя охранять его тело и имущество, иначе его могут убить, пока

он будет не в силах защититься, и душе его придется вечно блуждать в темных просторах среди Звезд, если ее не пожрут чудовищные ИГИГИ, обитающие за пределами Сфер.»

Следующий отрывок был еще менее вразумительным, чем первый:

«... ночь Прохождения Врат, которая должна быть приурочена к тринадцатой ночи Луны. должен призывать также Трех Великих Старших Богов – АНУ, ЭНЛИЛЯ и ЭНКИ, используя правильные обращения к ним. Число АНУ – 60, Число совершенства, ибо Он есть Отец Небес. Число ЭНЛИЛЯ, Отца Ветра, – 50. А число ЭНКИ – 40, самое возвышенное из Чисел, и он – Отец Всех, кто осмеливается ступить на давно забытые тропы и отправляться в странствия по неведомым землям, среди Пустошей и ужасных чудовищ Азонея... должен приблизиться к Вратам с благоговением и трепетом.»

Третий фрагмент содержал более осмысленную информацию, по сравнению с ритуальными причитаниями двух предыдущих:

«... зажег Свет и увидел пустыню. видел Первые Врата НАННЫ, называемого также СИН. Третьи Врата ИШТАР. Седьмые Врата НИНИБА, называемого также АДАР. пески и холмы в формах, искаженных и мучительных для глаза и разума. В глубинных Долинах Мертвых, обитают полчища Древних, и каждый день они порождают столько новых тварей, сколько не в силах представить себе разум человека, и таких ужасных, что вид их невозможно перенести. Огромный алтарь из громадных камней, покрытый жуткими узорами, возвышался надо мной, с его вершины доносились страшные звуки и пронзительные крики, принадлежали ли они человеку сказать трудно.»

Четвертый отрывок был последним и, пожалуй, самым содержательным:

«. я увидел, Его! Несколько двуногих существ, закутанных в черные платки и балахоны, наподобие арабов, втащили меня по огромной каменной лестнице на вершину алтаря и бросили на пол. Вряд ли эти существа были людьми. Такие ужасные глаза без зрачков. И вообще, глаза ли это? С широкой площадки алтаря, открывалась мрачная панорама. Недалеко от алтаря виднелся циклопический город, с колоннами и зданиями, имевшими неправильную геометрию. Очень странные углы! Алтарь и этот город-призрак окружала бескрайняя пустыня, освещаемая семью черными солнцами. Около алтаря возвышается гора, с крайне странными выпуклостями, создававшими иллюзию живого исполинского тела. Рядом раздался чей-то стон. Я заметил чей-то силуэт, лежавший недалеко от меня. Судя по всему существо, было связано, так же как и я. Я хотел было подползти поближе, но испугался странных очертаний головы, связанного пленника. На его голове, шевелились несколько щупалец, исходивших из того места, где должен был располагаться рот. Неожиданно, я услышал громкий звук, и обернулся. Гора шевелилась! Теперь она нависала над алтарем, я всей плотью почувствовал дыхание адского чудовища! Тяжкие удары начали сотрясать землю и пьедестал алтаря. Огромная волна черной протоплазмы захлестнула алтарь. Сверху на алтарь упало что-то похожее на связку бревен. Живых бревен, которые извивались! Огромные щупальца твари извиваясь, подползли к связанному существу. Из их присосок появились более тонкие щупальца, увенчанные ядовитыми ртами. В мгновение ока вытянувшись, они впились в глаза и рот безобразного пленника, постепенно погружаясь в него. Несчастный задержался, не в состоянии даже вскрикнуть. И в этот момент я увидел гигантский глаз. Появившись в этой глыбе черной протоплазмы, он казался глубоко запавшим и был красноватого цвета. Он стал постепенно сужаться, и невидимая глотка Древнего Бога потрясла окрестности ревом... Убитое чудовищным образом существо лежало без движения, сильно изменив формы тела, из которого была высосана жизнь прямо на моих глазах. Щупальца двинулись ко мне. Что-то похожее наверно будет сейчас и со мной. Слава богу, лампа прогорела! Весь этот адский мираж исчез.»

Когда я обнаружил и прочитал эти отрывки, мне стало ясно, что коллекционер стал жертвой галлюцинаций. Они, в свою очередь были, очевидно, вызваны вдыханием продуктов сгорания веществ, сжигаемых в лампе. На это прямо указывали и последние слова в четвертом фраг-

менте, ставшем своего рода предсмертной запиской. Единственное что не объясняли записи, это причину гибели Смита.

Как и ожидалось следствие зашло в тупик. Было объявлено, что Смит стал жертвой неизвестного маньяка. А от меня потребовали быстрого окончания этого затянувшегося дела. Мне и самому не терпелось отыскать ключ к этому загадочному и от этого не менее зловещему делу. Господи, если бы я тогда знал, чем это закончится!

В доме обстановка не выявила следов постороннего, ибо сначала я предположил, что Смит с кем-то вместе устраивал свои колдовские ритуалы. Впечатление было такое, что все личные вещи хозяина с минуты на минуту ждали его возвращения, не подозревая о том, что какая-то сила извне сделала невозможным его возвращение. Сила извне. Тогда это выражение случайно пришло в мою голову. Но я отвлекся, буду излагать все по порядку.

Взявшись за это дело, я оказался в полнейшем тупике. Специалисты медицинской экспертизы оказались в полном замешательстве по поводу состава возможной жидкости, которая вызвала ожоги на теле Смита. Она не походила ни на одну из известных кислот. Обнаруженный же песок в ранах миллионера был похож на песок из аравийской пустыни, однако имел более сложную структуру. Меня, впрочем, больше интересовало, как он вообще попал в особняк Смита. И после двух недель глубоких размышлений, построений различных гипотез, показавших всю бесплодность моих усилий, я решился на один эксперимент. Собственно, тогда это был единственный шанс, хоть как-то приблизится к разгадке преступления. Я решил пойти по пути Теодора Смита и зажечь старинную лампу.

Лампа была изъята как одна из улик по этому делу и подверглась осмотру, также мало что прояснившим. Металл, из которого была сделана лампа, был сплавом золота с неизвестным науке металлом неподдающимся идентификации. Узоры, вырезанные на ней и изображавшие неведомых существ, говорили о незапамятных временах, когда человечество едва ли существовало, и я задумался – только ли человеческие руки ее держали, и тем более изготавливали? Анализ порошка взятого из лампы показал, что внутри неё сжигалось сильнейшее наркотическое и галлюциногенное средство, которое было довольно широко распространено среди народов Ближнего Востока и Аравии. Это и убедило меня в подозрении, что покойный Смит в момент трагедии мог находиться в плену сильнейшего наркотического опьянения.

В одну из безлунных ночей, взяв ключи от дома Смита и лампу, я направился к зловещему особняку. Отбросив предрассудки, я открыл дом и поднялся в кабинет. Половицы скрипели под ногами, в помещении была затхлая атмосфера, казалось, книги на полках слабо флуоресцируют, но когда я включил свет, эта иллюзия исчезла. Я сел в кресло и еще раз осмотрел лампу. Она была приятно теплой, и даже вызвала чувство желания ее поскорее зажечь. Пламя вспыхнуло, и фитиль загорелся. Отключив электричество, я стал наблюдать за довольно ярким свечением лампы. Когда пламя начало подрагивать, на стенах начали появляться причудливые тени. Я стал внимательно их рассматривать. Темнота сгустилась вокруг меня, в воздухе появился специфический запах от сгорания в лампе остатков наркотического зелья.

Первая волна удушья накатила на меня. Я бросил взгляд на окно и пожалел, что не открыл его. Тело внезапно отяжелело, руки с трудом двигались, дыхание стало затрудненным, темнота сгущалась все сильнее. И мне уже показалось, что черный джинн, какой-то аморфный демон выполз из лампы и тянет ко мне свои черные лапы; казалось, что я чувствую его касания.... Невероятным усилием я протянул руку, схватил лампу и бросил ее в окно. Стекло разбилось, и в комнату ворвалась ночная прохлада. Мне почудилось, что когда лампа вылетала через разбитое стекло, чей-то сдавленный рев раздался и через секунду замолк, так и не набрав высокой ноты. Чудовищные тени в комнате мгновенно исчезли. Наступило облегчение, отяжелевшее еще минуту назад тело, вновь наполнялось силой.

Я отдышался и стал размышлять. Несомненно, сжигание определенных веществ в лампе вызывало галлюцинации, в этом сомнений не осталось. Правда, я не мог отличить реальное от

привидевшегося. Например, те страшные тени? Действительно ли они появились только после того как я зажег лампу? И почему вдруг темнота стала такой осязаемой, только ли от того что я вдруг ослабел?

Закрыв разбитое окно ставнями, подобрав лампу, валявшуюся под окном, и тускло мерцавшую при свете бледной луны, я запер дом на ключ и отправился домой. В квартире на меня навалилась усталость, и я лег на кровать, даже не раздевшись. Действие наркотика оказалось даже более сильным, и я провалился в тяжелое забытие.

Мне снилась бесконечная пустыня. Дул горячий сильный ветер с порывами песка, пытающихся снять с меня скальп. Я шел, утопая по колено в горячем песочном месиве. Шаги понемногу замедлялись, так как ноги постепенно увязали, сантиметр за сантиметром. В горячем небе, освещенном семью черными солнцами, парили адские создания нимало не напоминающие птиц.

Внезапно провалившись в песок по пояс, я начал лихорадочно дергаться, пытаюсь с помощью рук выбраться из горячей трясины. Я начал проваливаться глубже, песок начал засыпать меня, но вдруг ноги наткнулись, на что-то твердое. И это что-то вдруг зашевелилось и двинулось вместе со мной вверх!..

Я проснулся. Во рту горело, лампа стояла рядом на столе, зловеще поблескивая в лучах восходящего солнца, бивших в окно. Глотнув воды, я задумался. В голову пришла навязчивая мысль еще раз зажечь лампу. С трудом поборов в себе это желание, я опять лег на кровать. Затем решил перечитать записки Смита еще раз.

Где-то в них должен быть ключ к происшедшему. «Ночь Прохождения Врат, которая должна быть приурочена к тринадцатой ночи Луны...» – не значит ли это, что лампу Смит зажигал в тринадцатую ночь месяца? После этих мыслей я уже был твердо уверен, что зажгу лампу еще раз.

Когда наступил вечер 12-го мая, я быстрым шагом направился к особняку Смита, сжимая в руках лампу безумного араба. Начальник городского управления полиции требовал от меня результатов расследования, которое уже и без того затянулось. Я пообещал предоставить результаты к утру.

Было уже часов девять вечера и до полуночи надо было успеть подготовиться. Но подготовиться к чему? Этого я не знал, но вряд ли меня ждало что-то хорошее, учитывая предыдущий эксперимент с лампой.

Все вокруг особняка было зловещим. Ветер, шумевший в деревьях, оживлял их и делал похожими на корявых великанов, тянувших ветками-руками ко мне; сам особняк был похож на присевшее чудовище, готовое в любую минуту броситься на меня; луна напоминала бледный подвешенный в небе кусок гниющей плоти. Изредка выходя из-за туч, она освещала окрестности мертвенным светом, и в такие моменты становилось еще более жутко. Отовсюду слышались посторонние шорохи, и я был рад, что наконец-то дошел до входной двери особняка.

Внутри дома было не так страшно, здесь царила тишина. Я сразу же включил свет, осмотрелся и начал взбираться на второй этаж. Я зашел в библиотеку Смита и окинул взглядом книжные полки. Почти сразу же мой взгляд наткнулся на полуистлевший переплет хорошо знакомого зловещего тома.

Я взял «Некрономикон» в чудовищном переплете, и пошел к чердаку. Лестница надсадно скрипела. Мое дыхание резко участилось, когда дверь на чердак внезапно открылась. От неожиданности я чуть было не выпустил книгу и лампу из рук. Я насторожился, но дверь лишь слегка покачивалась, как от сквозняка, вполне обычного для чердачных помещений. Она как бы приглашала меня зайти внутрь. Сделав пару шагов, я понял, что повода для опасений нет, и зашел на чердак.

С момента убийства здесь мало что изменилось. На полу белели загадочные символы, виднелись многочисленные следы ног, оставшихся от криминалистов. Вонь почти выветри-

лась, но смутное ощущение присутствия чего-то чуждого осталось. Свои действия я делал наугад, смутно представляя к чему это должно привести.

Я поставил лампу в тот круг, в котором она стояла, положил «Некрономикон» на стул и выглянул в окно. Изуродованный глаз луны молча взирал на меня с небес. С луной на меня попеременно поглядывала из-за туч какая-то красная звезда. Поднялся ветер, но закрывать разбитое окно ставней я не стал, памятуя об удушливой атмосфере, возникающей во время горения лампы.

Я посмотрел на часы, была половина двенадцатого ночи. Можно было поджигать лампу и ждать. Ждать неизвестного. Фитиль на этот раз засветился более тускло. Очевидно, топлива в лампе оставалось не так уж и много. Я придвинул стул поближе к лампе, раскрыл «Некрономикон» и стал читать, усевшись на ветхий стул. Через открытое окно меня обдувал свежий ночной ветер, и опасений задохнуться, как в прошлый раз уже не было. Мой взгляд медленно пополз по страницам страшной книги:

«О Древних было сказано, что Они ждут за воротами. И эти Ворота есть во всех местах во все времена, поскольку им чуждо понятие времени и пространства – Они существуют, не проявляясь, и Пребывающие извне способны приобретать разные Формы и Свойства, давая обличье Вратам. Все они похожи на детей Старших Богов, но Великая Раса Йита и Древние не обрели согласия между собой и Старшими Богами – Древние завладели Землей, однако же Великая Раса Йита еще будет править в иных временах, в будущем, не ведомом ныне живущим...»

Я оторвал глаза от книги. Прочитанное в книге не говорило мне решительно ничего. Лампа уже начала чахнуть, но вонь была довольно терпимой. В помещение постоянно поступал свежий воздух с улицы, и опасаться было нечего. Мне показалось, что на чердаке раздаются какие-то звуки, но, видимо, они были всего лишь игрой воображения. Я наугад пролистал несколько страниц и наткнулся на небольшую закладку в книге.

Судя по всему, ее вложил Смит. Закладка была сделана из какого-то эластичного, высохшего, явно органического материала и я не решился предполагать, что это была за материя и кому она могла принадлежать. Я, с внезапно нахлынувшей тревогой, начал читать, чем-то особенно приглянувшуюся покойному оккультисту мрачную главу: *«Даже служители Ктулху не смеют говорить об Й-голонаке, и все же придет время и он вырвется из векового одиночества, чтобы вновь пребывать среди людей. Во тьме подземелий по ту сторону бездны есть путь ведущий за каменные стены, где высится Й-голонак и безглазые твари мрака прислуживают ему. Долго он спал за этими стенами и все, кто ползал по его телу, не ведали о скрытом внутри. Но когда имя его произносится или читается, Й-голонак восстает ото сна и питается душой и телом зовущего...»*

Что-то показалось мне знакомым в этих строчках, но что? «Все, кто ползал по его телу, не ведали о скрытом внутри». Я вспомнил свой сон, когда проваливался в песочное болото, но наткнулся, на что-то (или на кого-то?) твердое, определенно живое, но сон тогда к счастью оборвался вовремя.

Я поднялся со стула и попытался в слух выговорить труднопроизносимое имя Древнего Бога – Й-голонак, так кажется... И в ту же секунду, когда я произнес это имя, лампа Аль-Хазреда ярко вспыхнула. Мои глаза рефлекторно зажмурились, а когда они открылись, то сначала не увидели ничего кроме темноты. Более того, знакомого мгновением раньше свежего потока ветра с улицы я уже не ощущал, наоборот, воздух стал необъяснимо жарким, именно жарким, а не душным, как будто я находился у входа в гигантскую печь. Но самое ужасное было не это. Ногами я больше не ощущал привычную твердую поверхность пола на чердаке.

В голове у меня все поплыло, все мысли смешались. Подо мной было что-то рыхлое. Боясь поверить своей самой безумной мысли, я сел на корточки и стал ощупывать поверхность, на которой стоял. Сомнений не было никаких: подо мной был раскаленный песок. Точно такой

же, как в том кошмарном сне. Но откуда он на чердаке? Я, теряя остатки разума, протер глаза, пытаюсь убедить себя, что это очередной сон. Что наверно потерял сознание от смрада адской лампы и теперь лежу на полу чердака и снова вижу сновидения.

Я сделал несколько шагов, но не наткнулся, ни на стены чердака, ни на что-либо другое. Пространство вокруг меня несоизмеримо расширилось, это чувство пришло интуитивно. В горле пересохло. Я огляделся по сторонам, пытаюсь определить, где же все-таки нахожусь. Я почувствовал жаркие дуновения сухого ветра и внезапно увидел просвет впереди. Темнота постепенно рассеивалась, но меня ждало полное разочарование. В просвете без труда угадывалась бескрайняя пустыня. Никаких намеков на помещения дома, в который я зашел пару часов назад. Тьма отступила от меня, и увиденное наполнило мой разум осознанием полной безысходности.

Скорее всего, у меня случилось что-то вроде галлюцинации. Не могу сказать, что хорошо запомнил пейзаж, появившийся как будто из ниоткуда. Словно какой-то вихрь пронес меня сквозь эпохи. В облаках поднятого кем-то песка вздымалась какая-то башня. И когда видение приблизилось, я понял что вижу чудовищных размеров алтарь, описанный Смитом. Его обвивала высеченная каменная лестница.

Стены алтаря были полностью испещрены иероглифами и узорами, в некоторых местах из камня выглядывали морды неведомых чудовищ, вырезанных искусной рукой мастера настолько впечатляюще, что оставляли иллюзию живых. Существа были поистине безобразны, и оставляли впечатление космического ужаса, ибо ни один уголок Земли не смог бы вместить столь мерзких тварей.

Алтарь находился посреди бескрайней пустыни. Вокруг стояла мертвая тишина. Белый песок слепил глаза, от сильного зноя пересохло в горле. Я приблизился к алтарю. Идти приходилось с трудом, так как ноги увязали в рыхлом раскаленном песке. Мрачный монолит возвышался над землей на добрых футов триста. Около него я заметил в песке огромное отверстие, похожее на нору. Я остановился и начал беспомощно озираться. Ужас сковал меня. Я просто не знал, что делать дальше и в бессилии заорал: «Это просто сон! Этого не может быть на самом деле!»

Едва мой крик затих, как песок под моими ногами задрожал. Вибрация усилилась, как будто под моими ногами проходило метро. Но я знал, что никакого метро в этой адской пустыне, порожденной лишь ядовитым зловонием колдовской лампы, быть не может. Песок заходил ходуном, и в громадном отверстии блеснуло что-то черное и жидкое. Вода? Но это была не вода. Как бы сильно мне ни хотелось пить, я не смог сдержать отвращения при виде той жидкой черной пузырчатой массы, что начала заполнять отверстие и выплескиваться наружу. Эта пульсирующая чернота вытекала какими-то толчками и постепенно дотекла до алтаря. А потом.... Потом эта черная масса стала принимать ужасные формы.

Сначала в ней образовался один бугор, затем второй, потом они срослись, из них выросли новые. И вот уже кошмарное создание вытянулось ввысь, и стало выше алтаря, не переставая увеличиваться в размерах. Внезапно в этой глыбе отвратительного желе, образовалась глубокая щель, из которой прозвучал жуткий звук, напоминающий рев урагана. Далее эта щель сдвинулась как бы назад, а на меня из этого жидкого монолита уставился громадный красный глаз.

Это был последний предел моим нервам, я развернулся и бросился бежать, ловя губами раскаленный воздух. Ноги утопали в песке, и скорость бега замедлялась. Я напряг мышцы ног, заставляя себя бежать еще быстрее, но все усилия оказались бесполезны. Во второй раз упав, и пытаясь подняться, я почувствовал, как поверхность пустыни начала подниматься вместе со мной. Я заметил широкие трещины, прочертившие гладь пустыни и рванулся вперед, но было поздно. Огромный монстр, лежащий под песком, проснулся и начал подниматься.

То, что вытекло через громадное отверстие, оказалась всего лишь его кошмарной головой. От подземных толчков я упал на спину, и смотрел, на приближающуюся громаду алтаря, на который меня несла волна песка, поднятая подземным чудищем. Впрочем, сам алтарь по сравнению с ним казался лишь небольшой каменной палкой, воткнутой в безбрежный океан песка. Повсюду песок вздымался, как натянутая простыня. Размеры чудовищной твари просто потрясали. Казалось, вся поверхность пустыни пульсирует. Меня же несло на алтарь. Скоро меня швырнет на него с ужасающей силой и от меня останется одно лишь месиво.

Я издали заметил лежащий на алтаре предмет. По очертаниям он напоминал человеческую фигуру. Алтарь был уже близко, но теперь я понимал, что меня несет мимо него. Изловчившись, я оттолкнулся ногами от песочной массы, и, проваливаясь в песок, все-таки совершил прыжок и зацепился руками за алтарь. Я подтянулся и перекатился на его поверхность. Вокруг меня лежали останки и кости разных существ. Трупное зловоние было незначительно по сравнению со смрадом, доносящимся от чудовища.

Теперь-то я понял, чем пропитался дом Смита! Валялось на алтаре и несколько человеческих черепов. Стараясь не смотреть на них, я сделал несколько шагов по направлению к предмету, который еще раньше привлек мое внимание. Алтарь в этот момент казался крошечным островком посреди океана бушующего песочного безумия.

Передо мной лежало тело человека. Я посмотрел на его голову и увидел, что из его глаз и рта выползает что-то вроде змей, которые уползали за край алтаря. Но через минуту появилась голова ужасного демона, и я понял все. Пока я смотрел на это черное полужидкое НЕЧТО, внимательно наблюдавшее за мной, вся чудовищная правда в тот момент пронеслась в моем воспаленном мозгу. Понял, как был убит этот безумный коллекционер Смит, чье окоченевшее тело сейчас лежало передо мной и что это вовсе не змеи, а щупальца огромного Древнего Бога высосали из него жизнь.

И эти щупальца ужасного Й-голонака в тот момент потянулись ко мне, и я рефлекторно схватился за них, стараясь удержать эти отростки гнилой плоти подальше от своего лица. Кожа на моих ладонях лопнула от едких выделений из щупалец, и сознание стало покидать меня. Последнее я помнил, что на концах щупалец открылись плотоядные пасти, которые потянулись к моим глазам...

Как этот приснившийся кошмар выпустил меня из своих цепких объятий, я не помню. Но с воплем отчаяния и боли вернулся в реальный мир, возможно, за минуту до того, как остался бы в этом аду навсегда. Мне рассказывали, что я боролся с санитарями до последнего, пока мне не ввели снотворное. Полицию вызвали соседи, которых разбудили громовые раскаты и ужасная вонь, доносившаяся из особняка.

Меня обнаружили кричащего, на обломках рассыпавшегося стула, с вытянутыми вперед руками на задымленном чердаке особняка Теодора Смита. Мои башмаки были порваны, а вся одежда была в каком-то белом песке. Ладони были обожжены едкой жидкостью, а в доме стоял запах невыносимой вони. Как будто в нем побывало что-то на редкость огромное...

К тому же волосы на голове стали полностью седыми, и меня поначалу даже не сразу узнали. Лампа, полностью прогоревшая, стояла в своем нарисованном кругу.

Капитан управления полиции с удивлением и тревогой смотрел на меня, пока меня закутанного в смирительную рубашку усаживали в машину. Потом я написал свои показания об окончании расследования, которое, безусловно, закончил. Прочитав мои каракули, было принято решение поместить меня сюда, в эту клинику. Но здесь я чувствую себя на удивление спокойно. И меня не пугают по ночам крики пациентов в запертых палатах, мне уютно в своей тихой камере, ибо я знаю, что такое настоящий ужас и знаю, что он далеко от меня.

И хотя мне сняться кошмары, и по ночам я просыпаюсь в холодном поту, я твердо знаю, что это сон. Иногда мои обожженные руки болят под утро, но вспоминая сумасшедшего Смита, понимаю, что мне повезло гораздо больше, и начинаю смеяться. Смеяться от радости, что

остался жив, что не лежу сейчас в адской пустыне, и мои внутренности не пожирает кошмарное чудовище, Великий Древний Й-голонак, дремлющий и ждущий своего часа, чтобы обрушиться злым кошмаром на все человечество.

Радуюсь, что никогда больше я не увижу эту зловещую лампу безумного араба, открывающую врата в проклятые миры, населенные чудовищными демонами, правившими когда-то на Земле в незапамятные времена еще задолго до появления на ней первого человека.

Возвращение каменного ужаса

«...Хозяева в каждом мире разные. Некоторые из них являются только порождением смертельного ужаса. Они кошмарные, но реальные, и представляют крайний ужас для непосвященных, и чудесное совершенство для избравших путь поклонения Им...»

Вступление из Пнакотических рукописей

Пролог

На возвышенности стоял человек в длинном дождевике и наблюдал за морским горизонтом в бинокль, пытаясь разглядеть воспаленными от бессонницы глазами исчезнувшее три дня назад рыболовное судно. Время шло, зловещие мысли роились в голове Аарона Джонсона. Он напряженно думал. Вчера был сильнейший шторм, сопровождавшийся слабыми подземными толчками. Как будто земля и небо корчились в предсмертных судорогах...

Баржа «Королева Виктория» была единственной посудиною, предназначенной для выхода в океан. Это огромное ржавое корыто, оснащенной мощным двигателем и в насмешку названное так величественно, имело водоизмещение около двух тысяч тонн. Сделана была еще лет тридцать назад, и перешла по наследству от стариков к молодым. В плавание на ней отправилось семеро бывалых рыбаков во главе с капитаном Джеком Аткинсом, настоящим морским волком, шестидесяти лет отроду. Судно вышло в пять часов утра 5-го августа 1949 года и отсутствовало уже ровно трое суток.

Рыбачья деревня, в которой родился и вырос Джонсон, промышляла рыбной ловлей и располагалась у самого побережья океана, а ближайший город – Ньюбэрипорт находился в пятидесяти милях к северу. Раз в месяц из города приезжали представители торговой компании на двух грузовиках забрать замороженную рыбу и рыбные консервы по фиксированной цене.

Деревня насчитывала всего лишь пару десятков домишек, рыбный склад, на котором и перерабатывали рыбу, а также несколько заброшенных сараев. Помимо вышеупомянутой баржи, на причале имелось несколько шлюпов, для вспомогательной ловли и вытягивания сетей. Еще имелся один легковой автомобиль для связи с внешним миром, на котором желающие ездили в город за всем необходимым.

Тем временем, поднявшись на небольшую возвышенность, располагавшуюся над деревней, Аарон возобновил осмотр горизонта. Была низкая облачность, накрапывал мелкий дождик, и море было затянуто грязно-серым туманом. Впрочем, он не был особо густым и понемногу рассеивался. Немного странным было то, что ни одной чайки поблизости видно не было. Не было слышно даже их криков, несмотря на то, что практически круглые сутки их голоса не смолкали. Эта тишина в воздухе казалась какой-то неестественной, как будто должно было произойти что-то неминуемое.

Внезапно в пелене тумана мелькнуло что-то черное. Чернота с каждым мгновением начала увеличиваться, и Джонсон понял, что его ожидания, наконец, увенчались успехом. Это была «Королева Виктория», возвращающаяся, словно из далекого прошлого. Аарон громко и радостно крикнул нескольким своим товарищам внизу. Те побежали к причалу, а Джонсон еще раз вскинул бинокль. Всмотревшись в приближавшуюся баржу, радости в нем поубавилось.

Судно несло на всех парах, не снижая скорости прямо на причал, и это при том, что в мутном стекле рубки угадывался человеческий силуэт, наверняка рулевого. На палубе меж тем, была навалена огромная куча непонятно чего, то ли рыбы, то ли каких-то огромных сетей.

Большая часть кучи была скрыта рубкой, однако сбоку из нее торчали какие-то, как казалось, шланги и острые палки.

Предчувствуя беду, Аарон бросился было бежать вниз, но поскользнулся в грязи. Ботинки поехали под ногами, и Джонсон, упав, скатился по противоположному склону вниз. Очнувшись, он услышал страшный грохот, земля содрогнулась. Видимо, баржа все-таки врезалась в причал, но шум не утихал. И вдруг раздались пронзительные человеческие крики. Их громкость нарастала, и сознание охватил ужас. Вскочив на ноги, Аарон, размазывая размокшую глину, начал карабкаться по склону, который скрывал от него картину произошедшего. Крики стали замолкать, а потом... раздался зловещий звук, он был отдаленно похож на металлический лязг, усиленный в несколько раз. Его происхождение было непонятным, лишь возникло ощущение, что он был связан с той непонятной кучей, сваленной на палубе.

Поднявшись, наконец, опять на ту же возвышенность, с которой упал, Джонсон увидел картину происшедшего. Баржа «Королева Виктория» вдребезги разнесла причал и увязла в прибрежном песке, высунувшись из воды полностью. Видимо попутно она задела еще и шлюпы, пришвартованные к причалу, так как берег был усеян деревянными обломками. Аарон спустился вниз, стараясь не поскользнуться еще раз, не сводя взгляда с покореженной посудыны.

Очень странно, но не было видно, ни одного человека. Он уже приблизился к барже, и вдруг остановился как вкопанный. Его ноги оказались в луже подозрительного цвета, и через мгновение ему стало ясно, что это кровь. Конечно, без жертв не могло обойтись, но тогда, где же тело? Такая лужа крови не могла образоваться сама по себе. Как будто она натекла, как если бы, например, человека держали над ней некоторое время.

И тут Джонсон заметил в рубке силуэт рулевого. Ну, наконец-то – пронеслось у него в голове. Сейчас хоть кто-то объяснит, что здесь происходит. Он забрался на палубу и пошел к рубке. Попутно отметив, что никакой кучи, замеченной в бинокль, на палубе не было видно. Под ногами лишь хлюпала, какая-то зеленая слизь, источавшая сильный запах гнили.

Подойдя к рубке, Аарон взялся за дверную ручку, но с первого раза не смог открыть заклинившую дверь. Обеими руками, он рванул дверь на себя и ввалился в промозглую рубку. Прямо перед ним за штурвалом неподвижно стояла фигура в дождевике.

– Блейк? – позвал он рулевого, потому что кроме него здесь никого другого не могло быть.

Фигура не обернулась и даже не шелохнулась. Джонсон повторил фамилию громче, и сделал шаг вперед. Блейк по-прежнему не шевелился, и тут Джонсон заметил, что вся одежда стоящего перед ним рулевого одноцветного сероватого оттенка, ткань сильно ссохлась и напоминает ветошь, плотно обтягивая тело. Аарон тронул его за плечо. Ощущение было такое, что его рука коснулась статуи. Готовый к самому худшему он обошел рулевого и поглядел на него спереди.

– Господи, боже! – как бы ни был Джонсон мысленно готов к самому худшему, все равно он не смог сдержать вопль страха и отвращения.

Рулевой Джон Блейк, бывший еще несколько дней назад молодым, жизнерадостным парнем, был превращен неслыханным образом в жесткую и серую, как камень, фигуру, сморщенные черты лица которой имели выражение такого беспредельного ужаса, что Джонсон в страхе попятился, споткнулся и упал, не переставая таращиться в эти остекленевшие глаза, безумно глядящие на него из этого серого, скелетообразного лица Блейка!

Чья-то огромная тень упала на рубку и заставила Джонсона повернуть голову. Увиденное повергло его в еще большее смятение, но крик на этот раз застыл глубоко в горле. Человек с изумлением начал смотреть на свои руки. Кожа стала претерпевать чудовищные изменения, превращаясь в какую-то серую твердую субстанцию и постепенно окаменевать. Движения конечностей и органов понемногу замедлялись, и через минуту все было кончено. Наступило забвение.

* * *

– Как ты думаешь Джек, что там могло случиться? – спросил шериф Марк Уайнбергер у своего помощника, сидящего рядом.

– Не знаю, кэп, может обычная пьяная поножовщина... – ответил помощник шерифа.

Патрульная машина с тремя полицейскими, изредка подпрыгивая по грунтовой дороге, двигалась из Ньюбэрипорта в одну заброшенную деревню, располагавшуюся на побережье. Четыре дня назад две машины торговой компании отправились как обычно в деревню за рыбными консервами, и до сих пор не вернулись. На связь также никто не выходил. Шериф Ньюбэрипорта решил сам проверить обстановку, взяв с собой помощника и одного новобранца на всякий случай.

– Может быть и гораздо хуже – задумчиво промолвил шериф – вчера из городской лечебницы сбежало несколько психов. Как знать, может все это взаимосвязано.

– Как же они умудрились сбежать? – спросил помощник.

– Не знаю, не знаю, Джек. Видимо от подземных толчков, что ощущались в городе два дня назад, расшатались решетки, и эти психи выломали их.

– Да уж. – протянул новичок Хопкинс, сидевший на заднем сидении. – Наверно не стоило нам на ночь глядя туда ехать.

– Сдрейфил Хопкинс? – весело спросил помощник шерифа.

Хопкинс хотел было огрызнуться, но заметил, что шерифу тоже не по себе. В машине было прохладно, однако капли пота сбегали по мускулистой шее шерифа вниз, а желваки то и дело играли на скулах.

– Проверьте оружие – вдруг строго сказал шериф, – через пару минут будем на месте.

В салоне машины послышались щелчки затворов, а тем временем вдалеке показалась затянутая туманом деревня. Солнце уже садилось, подсвечивая туман кровавым цветом. Море тихо нашептывало волнами, как будто усыпляя. Машина сбавила скорость, съезжая с дороги к берегу, на котором и располагалась деревня. Шериф поехал совсем медленно, пытаясь разглядеть место и явно не горя желанием вылезать из машины. Внутри он чувствовал себя уверенней. А тут еще этот зловещий туман снаружи. Не к добру он, ох не к добру.

Когда стали заметны деревенские постройки, полицейские прильнули к окнам, надеясь увидеть кого-то из местных жителей. Но они не видели никого, стояла мертвая тишина, прерываемая иногда шорохом шин по песку.

Внезапно машину сотряс страшный удар, едва не опрокинув ее на бок. Уайнбергер судорожно вцепился в руль и нажал на тормоза.

– Что это было! – заорал Хопкинс.

– Не знаю... – еле выдавил шериф.

Помощник шерифа высунул карабин в окно, положив палец на спусковой крючок. Он оглянулся и испуганно посмотрел на шерифа. Уайнбергер и сам перепугался не на шутку. Машина стояла, объятая кровавым туманом, неподалеку от заброшенных построек, где притаилось скрытое Зло.

Что-то крепко обхватило карабин помощника и рвануло на себя. Помощник ударился со всего маху о дверь машины, и выпустил карабин из рук. Вслед за этим в уши людей ударил пронзительный скрежежущий звук, оборвавшийся на самой высокой ноте.

А секундой позже, сверху на крышу обрушился удар неимоверной силы, стойки прогнулись, и железо погребло людей под собой. И только тишину вечера еще некоторое время продолжали нарушать железные звуки кошмарного происхождения.

1. В ожидании необратимого

Август 1949 года потряс все побережье настолько жуткими событиями, что большая часть жителей, до сих пор пребывает в зловещем недоумении. Случившееся в такой степени напугало представителей официальных органов власти, что те поначалу несколько дней хранили гробовое молчание. Газеты наполнялись самыми разнообразными слухами и сплетнями, еще больше нервируя обывателей. И лишь спустя неделю было устроено нечто вроде совещания с весьма ограниченным кругом участников. После этого завеса тайны слегка приоткрылась, однако тревоги и страхи от этого не рассеялись. Гнетущие впечатление усиливали войска, расположившиеся в городе в связи с этими событиями. Впрочем, как показало происшедшее, прибывшие войска не особо помогли.

Началось всё с пропажи двоих представителей известной торговой компании, торговавшей рыбной продукцией не только в штатах, но и по всему миру. Компания чутко следя за своей репутацией, сразу же надавила на шерифа, который нехотя отправился со своими помощниками в глухую деревушку, расположенной на самом побережье.

Через пару дней выяснилось, что пропал и шериф с помощниками. Тогда паника в городе стала поистине всеобщей. Газеты выходили одна за другой с самыми зловещими заголовками. Родители не пускали детей в школу, школы переставали работать под различными предлогами, магазины стали закрываться задолго дотемна, весь город охватил страх, и двери домов начали крепко накрепко запираются изнутри тяжелыми засовами. Несколько осиротевших полицейских, потеряв сразу обоих начальников (шериф пропал в деревне вместе со своим заместителем) были не в состоянии защитить город от мародеров.

Страху также нагнал и побег двенадцати пациентов из городской психиатрической лечебницы, в день, когда в городе ощущались подземные толчки. Это явление было столь непривычно для этих мест, что некоторые суеверные горожане всерьез стали причитать о скором конце света. И мэр, воочию видя разгорающуюся панику, был вынужден обратиться за поддержкой к военным.

В город прибыла военная часть, и военные взяли под контроль всю ситуацию в городе. На улицах появились патрули, и стало немного спокойнее. Однако жители все еще терялись в догадках и самых зловещих предположениях по поводу того, что же все-таки произошло в той деревне. Для выработки дальнейшего плана действий мэр предложил созвать совещание с узким кругом приглашенных на него лиц. Эта идея возникла тогда у многих, чтобы, наконец, приступить к решительным действиям.

Профессор Мискатоникского университета Уинфилд Филипс, также был приглашен на это закрытое совещание в качестве консультанта. На совещании помимо него присутствовали мэр города, один высокопоставленный генерал, двое агентов ФБР и представитель известной торговой компании, чьи представители и пропали в деревне. У них в распоряжении был только один документ, свидетельские показания только одного человека, выжившего после этого ужаса, который обрушился на несчастную деревню, и добравшегося до города, чтобы открыть ничего неподозревающим людям столь ужасную тайну, что уходит своими корнями вглубь возможно даже не тысячелетий, а миллионов лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.